

Ариадна
Борисова

Когда
вырастают
дети

Ариадна Борисова

Когда вырастают дети

Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658020
Ариадна Борисов. Когда вырастают дети: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71096-6

Аннотация

Только представьте: вы давным-давно замужем, и ваши вечные соперники – тапочки и телевизор – уже давно завладели сердцем вашего мужа. Подрастает умница-дочка, уже сама входящая в возраст невесты, и надежд на любовь или мужское внимание у вас ноль. Но как раз в этот момент в дверь вашей квартиры звонят, и на пороге появляется... странный молодой человек с подозрительными усами, который уверяет вас, что является вашим давним поклонником! Дочь в шоке, у мужа брызжут из глаз искры от неожиданно обнаружившегося факта, что вы, оказывается, по-прежнему красивая женщина. Забавно, не правда ли? Но каких последствий ждать после этого?

Содержание

Сны старого двора	4
Сон первый, комедийный. Здравствуй, папа,	13
Новый год!	
Возраст флюидов	13
От добра добра не ищут	30
В Лимпопо, в Лимпопо, в Лимпопо!	57
Время младое незнакомое	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ариадна Борисова

Когда вырастают дети

Сны старого двора

Когда-то Комсомольскую площадь окружали деревянные общежития-бараки, ныне уже снесенные. Дети вообще их не видели, а знают только, что американского президента Обаму зовут Бараком. Вместо тех общежитий люди построили крупнопанельные каменные дома, и площадь незаметно превратилась в двор, такой обширный, что произносить нужно с большой буквы – Двор. Еще в прошлом году он служил шести корпусам: одно здание развернуто фасадом к дороге, второе углом и четыре друг против друга. Дальше зиял пустырь, окаймленный полосой густого кустарника, из которого без разбега взмывает к небу крутая краснопесчаная сопка – Красная гора. Тропинка к бору ведет с другого, не отвесного, склона, со Двора не видно. Ребяшня в любое время года гоняла на пустыре в футбол, а весной там возвели седьмой дом, и Двор со стороны сопки замкнулся. Высоко-высоко на ней темнеет сосновый бор, богатый под осень рыжиками и маслятами. Район Красной горы считается окраиной города, хотя какая это окраина – центр через четыре улицы. Многонаселенный Двор сам-то как горо-

док.

Напротив уголовного дома расположился парк Новогодний. Не поднялась рука у строителей на древнее дерево – ель-бабушку, окруженную дочерьми и пушистыми внуками. Рядом люди посадили березы, и вырос лесок. Он занимает от силы тридцать соток, так что называть его «парком» немного чересчур, но горожане любят этот уголок и ухаживают за деревьями. К зимним праздникам родители малышей наряжают ели игрушками.

Лесок упирается в белый магазин, похожий на торт, с простым радушным названием «Хлебный». Здесь всегда вкусно пахнет свежей выпечкой и, к сожалению, выхлопными газами. Мимо магазинного окна то и дело шныряют автомобили. Двору не по душе шершавое движение шин по тле. Грунтовая в том месте поверхность неприятно вибрирует и гудит.

Позади парка выстроилась шеренга кирпичных гаражей. За ними в стихийном нагромождении незаконных гаражей-вагончиков, как атаман на коне в гуще пеших разбойников, стоит незавершенное здание. Городские власти постоянно грозятся снести вагончики и освободить подъезд к заброшенному строению, да все руки не доходят. Величественный дом с колоннами, предназначенный для каких-то общественных целей, начали возводить в советское время, но довести до сдачи не успели. Сооружение пережило все депутатские и чиновничьи обещания позаботиться о нем, сме-

ну государственного строя, массу политических событий и троих полукриминальных хозяев. Имя теперешнего владельца сохраняется в тайне.

Дорога сворачивает от «Хлебного» и ведет на улицу, вдоль и поперек исхоженную ногами юных жителей Двора. Заканчивается она школьной аллеей и, соответственно, школой. Улица недлинная, но бойкая, с обилием мелких кафе, киосков, магазинов, а посерединке, выпуская вечером стеклянное апельсиновое сияние, красуется огромный супермаркет «Кипежград». Впрочем, Двору мало что известно о соседних улицах, он же на них не заглядывает. Зато в курсе секретов своих обитателей. Черпает новости и слухи у пенсионеров, отдыхающих на расставленных повсюду скамейках. Ему нравится легкий стариковский треп, вовсе не такой уж ядовитый и порицательный, как полагают молодые. Скорее информативный. И воспоминания о прошлом Двор любит. Тоже есть что рассказать о боевой комсомольской молодости.

Во времена существования площади люди жили бедно, несыто, но дружно, и пирожки в общих кухнях стряпали сообща на всю детвору. А дети подкармливали бродячих собак и кошек. В нынешнее же время соседи даже на одной лестничной площадке порой еле знакомы. Кивнут друг другу и разбегаются по своим делам. Все куда-то спешат, никто не обращает внимания на приبلудившуюся ко Двору кошку-сиротку. Когда кто-нибудь подходит с мусором к бакам, где

она сидит чаще всего, Двор затаивает дыхание. Посылает весть: возьмите бедолажку, возьмите! Не берут. Не слышат мольбы о помощи.

Если приладить к слову «весть» приставку «со», как предложение к взаимодействию, получится «совесть». Наверное, у людей повредился коммутатор приема вестей и с приставкой это слово не принимает.

Честно сказать, без совести людям жить легче. Огорчений меньше, сон спокойнее. Занятому человеку только мешает ее надоедливый глас, времени не напасешься слушать. Да хоть бы эта брюзга похвалила разок за добрую мысль – не дождешься. Вечно чем-то недовольна, не поймешь, чего требует, в чем обвиняет. Прокурориша нашлась... Двору кажется, что так думают некоторые дамы и господа. Будь у него язык, ох и устроил бы он им выволочку! Увы, негде языку разместиться. У Двора и головы-то нет в стандартном представлении.

Отдельные человечьи особи приспособились болтать языками без всякого участия мозгов. Но напрасно считается, что Двор не имеет собственных мыслей и мнений. Еще как имеет! Не зря же он, вольно или невольно, одушевлялся на протяжении жизни четырех поколений людей. Привыкнув размышлять на их языке, Двор перестал понимать кошачье мяуканье, шелест деревьев и щебет птиц. Так перед ребенком зарастает кожей человеческих слов хрупкая молвь остального мира, которую дети понимают, пока не

начинают говорить.

Если бы Двор мог разговаривать, он бы первым делом поблагодарил одну славную женищину. Когда еще училась в школе, она написала сочинение на тему «Почему мы любим наш двор». Двор сказал бы ей спасибо за сердечный отзыв о его службе и спросил бы, как умудрились люди потерять смысл множества слов.

Комсомольская площадь была твердо уверена, что слово «любовь» означает чувство, и удивилась бы выражению «заниматься любовью». Определений у этого физиологического акта в любой части речи воз и маленькая тележка. В скабрёжном фольклоре любовь близка к категории овоща, с которым рифмуется, поэтому ее, как овощ, можно купить, продать, расплатиться ею за услугу, – в общем, с помощью любви можно произвести кучу операций в сфере рыночных отношений. Понемногу блатной жаргон и площадная (дворовая) лексика объединяют свой соленый состав. Знакомые домовые жалуются Двору – хозяева без матюгов шагу не ступят, уши завяли... А гривуазный глоссарий тянет к себе вниз все новые и новые слова, шарит липкими пальцами в пластах устаревающего сленга. Раньше алкоголики, выйдя во Двор, невинно предлагали приятелям «трахнуть по маленькой». Нынче такое словосочетание чревато эхма какой статьей...

Двор покряхтывает, стыдливо вздыхает: опять разворчался к ночи. Что поделаешь – старик... Ай! Или стару-

ха?! Один политик сказал: «Если бы у бабушки были определенные половые признаки, она была бы дедушкой». Двор вычитал это мудрое политическое изречение в газете. Он много чего узнает из содержимого урн. Бог миловал, нет у него биологических и гендерных признаков пола. А то бы мозги сломал, прикидывая, куда спрятать от женищин одну из двух главных образующих низкопробного словаря, схожую очертаниями с Царь-пушкой... М-да. Пожалуй, он все-таки мужчина.

Как всякой пожилой личности, Двору иногда хочется почитать нотации влюбленным старшеклассникам. Свидания они обычно назначают друг другу в Новогоднем парке и некоторые ой-ё-ёй что творят! «Поцелуй меня везде, что-то где-то (забыл) мне уже». Песня. Двор слышал тысячи песен, попробуй запомнить. В этой рифма совсем неправильная. Вертится на уме что-то более подходящее к слову «везде»... Тьфу ты, не вспомнить никак. Склероз. Двор сурово предостерег бы поцелуйщиков: «Песня песней, но могут быть и дети. Заводить детей детям рано». Пересказал бы им недавно прочитанную статью о квартирном вопросе, особенно острым для большинства молодых родителей.

Двор нежно покачивает свое ненаглядное дитя: «Спи, малыш, баю-бай...» Да, несмотря на отсутствие репродуктивных органов, он исполнил свой мужской долг по продолжению рода. Детская площадка – поздний ребенок. Ее оборудовали, завершив строительство шести домов. На звон-

коголосой баловнице кокетливая девчоночья панамка в виде мухомора, но кто она – девочка или мальчик – не очень ясно. Вся в папу. Маленький дворик с одинаковым упоением лепит с девочками песочные куличики и возит с мальчиками грузовики по горкам. Или играет в войнушку...

Плоская отцовская грудь трепещет под асфальтовой броней. В углу песочницы похоронен забытый кем-то игрушечный автомат. Ветер осени забросал оружие листьями, время засыпало песком... Двор смутно помнит: повзрослевшие мальчики уходили с площади Комсомольской... Так давно... Ни один не вернулся.

Время идет, уходят дети. Что бы Двор ни думал о нежелательности ранних браков, он рад рождению новых людей. Ему подарена уникальная возможность наблюдать за человеческими птенцами день за днем, год за годом, от первых шажков до вылета из родительского гнезда. «Юность летит как крылатая птица, взлетит и умчится...» Как жаль, боже мой, как жаль! Но двор недаром подозревает в себе наличие мощного биополя: не те ушедшие на войну комсомольцы, но другие выросшие дети не однажды возвращались. Взрослые игры на поверку оказываются утомительными, а возраст отнюдь не панацея от ошибок. Двор из всех сил старается вернуть мальчикам и девочкам их самих, настоящих.

Дворик детства примостился на груди старого двора доверчиво и уютно, как малая родина в большой. Здесь, в

нехитрой конструкции железных горок, лесенок, турников, укрепляется иммунитет, оберегающий человека от равнодушия к месту, где он появился на свет. Первые синяки и шишки, полученные на щадящем песке детской площадки, можно считать прививками. Человек учится падать и вставать. Все потом поменяется – внешность, мысли, чувства, друзья, окружающий мир – и только тяга к родному Двору останется прежней. Людей всегда тянет туда, где их любили и любят.

Двор не представляет себя без людей. Кто он без них? Так, пустое место. Как ему жить, безлюдному? Никак не жить. Вот что такое любовь. А вы говорите... Но люди его удивляют. Они непредсказуемы. Люди любезны с посторонними, с близкими же часто грубы, и обижают их чаще, чем чужих. Судят строже, не в силах простить, мучают и мучаются сами, а если прощают, то так, что лучше бы ушли. Или уходят не до конца. И даже если совсем уходят, – мечутся, ищут другую любовь, оставляя после себя угли потухших костров, хотя знают в душе, что не найдут. Ох, люди! Сколько их – столько ошибок, и нет страшнее ошибки, чем опоздать с прощением и прощением. С раскаянием... Двор не раз видел, как людей увозили в закрытых ящиках с цветами в тот таинственный двор, откуда не возвращаются...

Но вот потемнели окна, за которыми живет красивая молодая женщина с волосами цвета скошенного поля. Гас-

нут окна. Там, где оранжевые шторы, светло: мальчик, влюбленный в девочку из нового дома, читает перед сном. А желтая лампа в доме напротив будет гореть долго. Журналистка обязана сдать завтра утром большой материал на пятничную «толстушку».

В домах еще не спят, за окнами – суетливая, пестрая, неповторимая жизнь. Один французский писатель назвал ее человеческой комедией. Сложный жанр, но праздничный, в финале почти всегда примирение. Ночами Двор видит человеческие комедии-сны и никак не может понять: сны – это жизнь людей, или жизнь людей – сны?..

Пора на боковую. То есть для Двора скорее на спиновую. Он устраивается поудобнее. Скоро придут сны.

Двор любит, любим и счастлив новыми наблюдениями: следами двух пар сапожков на детской площадке; именем «Надя», вырезанным перочинным ножом на спинке скамьи в Новогодном парке; очертаниями фигурки девушки в квадрате бьющего из подъезда света; летучей тенью юноши на стене... Ничто не вечно под луной, но не может же все, что Двор любит, просто взять и исчезнуть! Этого не может быть, потому что этого, как очень правильно заметил один русский писатель, не может быть нико... Ш-ш-ш... Тихо...

Сон первый, комедийный. Здравствуй, папа, Новый год!

Возраст флюидов

Всякий человек помнит запахи детства. Женя любила войти с бабушкой в нагретую солнцем теплицу, приготовленную для огурцов, и крепко втянуть в себя терпкий воздух. Он был полон мощных запахов земли, шампиньонов и медных монет, как они пахнут в запотевшей ладошке. Восьмилетняя Женя тогда понятия не имела, что этот притягательный аромат испускает выветренное, но вполне натуральное удобрение навоз.

Она видела, как соседский бульдог нюхал цветы. Значит, у него было нестандартное, по собачьим меркам, обоняние. Неправильный пес бежал-бежал за хозяином и вдруг резко остановился возле клумбы с анютиными глазками. Он нюхал их с таким наслаждением, словно ему посчастливилось наткнуться на миску сладких косточек. Никто над бульдогом не потешался, и брылястая морда сияла блаженством. А мама с папой обидно посмеялись над обонятельными восторгами Жени. Папино объяснение, откуда берется навоз, напрочь убило всю прелесть тепличного аромата. С тех пор Женя

стала относиться к овощам с подозрением, моет их горячей водой с хозяйственным мылом и обдаёт кипятком. Вообще редко ест салаты.

Вкус к музыке тоже закладывается в человеке с детства. Классическая музыка звучала вокруг Жени все ее шестнадцать с половиной лет, но с тех восьми она больше не доверяет первым впечатлениям нюха, взгляда и слуха. Поэтому и чувство противоречия у нее обострено. И вот сегодня, как только папа затащил свои гаммы, Женя из чувства противоречия включила старый хит про кошку.

Когда-то Женя мечтала завести котенка. Мама не разрешила – у папы от шерсти мог образоваться аллергический ринит. Теперь мама говорит, что кошачьи флюиды, то есть «излучения пубертатного возраста», скоро попрут из самой Жени. Вот исполнится в марте семнадцать, и попрут.

Из большинства одноклассников флюиды уже не просто прут, а прямо-таки фонтанируют. По словам Ирэн, физиологический интеллект в их возрасте опережает в развитии мышление. Ирэн – Ирина Захаровна, классный руководитель 11-го «б». Симпатичная и не очень старая, ей, кажется, нет тридцати.

Мама полагает, что Женя не созрела до эротических эманаций и не думает целыми днями о мальчишках, как ее сверстницы. Это правда, но и о госэкзаменах она, честно говоря, не думает. Учится средне. На дворе снежный ноябрь, а дочкина жизнь уже сплошь состоит из маминой головной

боли. Женя полдня сидит за уроками, чтобы не расстраивать родителей. Под носом – учебник, глаза косят в полуоткрытый ящик стола, где лежит круглое зеркало с пятикратным увеличением. Если мама заглядывает в комнату, Женя делает вид, будто всем организмом углублена в учебу и, кроме ЕГЭ, ни о чем не помышляет. В такие моменты Женю особенно сильно что-то раздражает и что-то ей, наоборот, очень нравится. Сегодня, например, раздражают папины распевки и жуткий холод в новой квартире (мама с гордостью говорит «улучшенной планировки»), из-за которой пришлось переехать в район Красной горы и поменять школу. А нравится журнальная фотография Ренаты Литвиновой, актрисы с мягкими движениями и мяукающим голосом.

Женя кокетливо откинула ладони, прижала их к лицу: «Ой, я так ва-а-алнуюсь...» Голос «литвиновский» – акающий, протяжный, как у истомленных зимними туманами ямщиков. В зеркале размером с лицо Женя видит себя в полный рост. Талия затянута лакированным ремешком, юбка-колокол сдержанно подрагивает и шуршит от крахмала – так девушки одевались во времена бабушкиной молодости. Зеркало позволяет рассмотреть чудные красные туфельки на шпильках. Взгляд бежит дальше – к цветам и афишам, к очереди поклонников от восемнадцати до двадцати семи. Отражаясь в их восхищенных глазах, сверкает ослепительная Женина красота... Вероятно, мама права, и дочь помаленьку наполняется преждевременными флюидами.

Раньше Женя считала, что мир взрослых таинственный и занятный, и умны они все поголовно. Ошибалась, конечно. Должно быть, человек взрослеет, когда начинает это понимать. Ужасно грустно, зато можно не препятствовать взрослым мыслям и пустить их на самотек. Женя, честное слово, не думает о мальчишках. Она думает о настоящем мужчине. У него спортивная фигура, ноги длинные и прямые, как у жеребца арабских кровей. Улыбка как из рекламы зубной пасты, очи – шекспировского Ромео. Он итальянец? Нет, Женя не любит спагетти. Пусть он будет испанцем. Зовут его... м-м-м... допустим, Родриго. Звуки в испанском языке напористые, с сочными, раскатистыми южными оттенками: гитар-ра, сигар-ра... По-русски Родриго зовут Игорем. Отец Родриго-Игоря, советский дипломат, с риском для жизни вывез его маму из Мадрида в годы политического кризиса. Там была фееричная романтическая история, Женя придумает ее потом.

Настоящий мужчина ничего не знает о своей невесте, живущей пока что далеко от него, только предчувствует в глубине души. Однажды эта девушка то ли померещилась, то ли приснилась ему под утро. Ни одна другая не похожа на нее, неуловимую, как наваждение. Родриго-Игорь не выдает тоски по прекрасной незнакомке, ведь он генеральный директор крупной русско-испанской компании. Гениальный менеджер, персона *vip*. Личный шофер подвозит его в московский офис на коллекционном «Лексусе». Молодой директор

отдает распоряжения исполнительному планктону и удаляется работать/мечтать в кабинет величиной с трехкомнатную квартиру. По деловито-скромному поведению Родриго-Игоря не скажешь, что он умопомрачительно богат и романтичен. Он старше Ромео лет на десять, Женя на столько же младше Литвиновой, но такая же плавная и женственная. Жених и невеста встречаются совершенно случайно, когда...

– Сию же минуту выключи магнитофон! – кричит папа трагическим голосом, и Женя возвращается из взрослых мыслей в свое неустойчивое время. Взрослые, с их маней все конкретизировать, называют это промежуточное время юностью. Оно ни туда, ни сюда, болтается в диапазоне отрочество-молодость, как карандаш в пенале. В результате юный человек вынужден обтачиваться к жизни сам по себе.

Жаль, что роскошной Литвиновой Жене не стать. Внешне она похожа на папу, а папа – на дедушку. Каштановая шевелюра деда Паши напоминает дворницкую метлу, лицо могло быть чуть поуже, глаза – чуть поменьше. Правда, на фотографии они вытарашены в крайнем ликовании, потому что в руках таймень почти с самого рыбака.

Все-таки Женя явно не доросла до понимания некоторых вещей. Мама в юности, наверное, тоже мечтала о своем настоящем мужчине. Каким образом она обнаружила его в папе? Выбора тогда не было, или настоящие мужчины круто меняются под воздействием семейной жизни? А может, они – обычная возрастная фантазия, как Дед Мороз у де-

тей? Последнее письмо этому мифическому разносчику подарков Женя написала в третьем классе. «Дорогой Дед Мороз, подари мне, пожалуйста, карликового котенка размером с мышь...»

«Я буду вместо, вместо, вместо нее твоя невеста», – нахально известил магнитофон механическим голосом Глюкозы. Его перебил страшный папин стон:

– Евгения, ты хочешь моей смерти?!

«Взрослым» именем Женю дома называют, когда сердятся, в остальное время – Женечкой. В сердцах она выдернула штепсель вместе с розеткой. Нормальные люди давным-давно обзавелись какими-нибудь девайсами с музыкой, а тут все системы старые. Есть даже древний проигрыватель с пластинками, папа говорит – музейная редкость. Он и сам – редкость, солист Театра оперы и балета. Такой ведущий примадонн. У него драматический тенор. Папу хлебом не корми, дай попиариться в средствах массовой информации. В рубриках о культуре журналисты пишут о его богатом оперном и концертном репертуаре, музыкальной эрудиции и отличном знании эталонных исполнений. Что-то там еще об артистическом обаянии...

О мамином обаянии – ни слова, ни в одной завалящей газетке. Мама преподает английский язык в обыкновенной средней школе и отсчитывает свою жизнь часами: столько-то учительских часов в неделю, столько-то репетиторских. Радуется, что с грехом пополам хватает платить за ипотеку.

Педагоги начала прошлого века имели возможность побывать по льготным ценам на ознакомительных экскурсиях в заграничных школах. Эта привилегия полагалась земским учителям наряду с ведомственным жильем и бесплатными свечами. А участь современного российского учителя такова, что хоть фэйсом об тэйбл забейся, – даром ничего не получишь. Недавно мамина ученица, дочь владельца супермаркета «Кипежград», съездила на каникулы в Англию и вручила маме туристический буклетик со словами: «Там было клево! Совсем-совсем как вы рассказывали!»

Свободное время мама жертвует слежке за дочерью и служению талантливому мужу. К тому же в мамины обязанности входит почти вся домашняя работа, кроме починки кранов. Женя пыталась завернуть протекающий в кухне кран – безрезультатно, еще сильнее закапало. Мелким ремонтом сантехники, по идее, должен заниматься папа, но он не умеет, или, скорее, не хочет. Он в доме главный, поэтому ничего не делает. К тому же нынче его нельзя беспокоить: у папиного тенора случилась нестыковка с ариозо Ленского.

А кран капает. Мама, вздыхая, подставляет губку, чтобы не долбило, как по камню. Капля же и камень точит. Терпение у Жени не мамино и тем более не каменное. Она представляет, как подойдет сейчас к папе чеканным шагом и поверх его вокальных упражнений мужественно напомнит об угрозе кухонного наводнения.

Мысленно Женя сказала это очень храбро. А папа в ее го-

лове возмутился и принялся стенать, что все, кому не лень, норовят наступить на горло его песне, и т. д., и т. п. На что Женя, опять же мысленно, холодно ему ответила: «Кран закрой».

Этот диалог так и остается в воображении. На деле Женя, разумеется, молчит, папа и слушать ее не станет.

В голове нарисовались весы с домом на одной чаше и сценой на другой. Дом сцену не перетянул. А может, где-то за нею скрывался зал театра. Куда маме с Женей против двухсот с лишним зрительских мест!

...Летом, на песке у курятника в бабушкином дворе, среди квохчущих кур вышагивал надменный петух с иззелена-рыжим хвостом. Его золотые глазки-бусины настороженно наблюдали за хозяйкой – богиней кормов и финальной кастрюли. Когда дело доходило до житейских куриных проблем, глазки петуха заволакивались пленкой презрения и досады. Время от времени он распускал хвост дугой и клекотал, пробуя горло к утренней поверке. Плевать было этому эгоцентристу на окружающую среду. Так и папа. Важнее всех для него Мельпомена, а жена с дочерью где-то сбоку. Вернее – побоку.

– Женя, прости, пожалуйста, я не смогу пойти на концерт... Педсовет, – говорит мама с умоляющими нотками в голосе.

Это не Жене. То есть Жене, но не дочери, а мужу. У них одинаковые имена и, соответственно, фамилии. Они оба Ев-

гении Шелковниковы, что Женю раздражает, хотя к своему имени она не относится отрицательно, ведь другого у нее нет. Просто странно: такое впечатление, будто колбасно-джинсовый дефицит, о котором с такой неувядающей ностальгией вспоминают родители, распространился и на имена.

– Как хочешь, дорогая, – слышен папин притворно безучастный голос. – Дело не подневольное.

Мама с горечью спрашивает:

– Тебе все равно?

– Ах, оставь, Аня! Ты знаешь – мне не все равно! Это ты равнодушна к моему творчеству, несмотря на то что Ленский меня истерзал! – голос повышается с каждой фразой. – Между прочим, это моя премьера! По сравнению с ней твои школьные собрания, извини, – мелочь, чепуха! Их у тебя в год миллион, этих педсоветов!

Понятно: если Женя не пойдет на премьеру, мало ей не покажется. Папе по барабану, что заставлять человека слушать одно и то же сто раз дома, а потом в театре – подлинный садизм.

Папа творит собственный образ Ленского, ищет серьезного однолюба вместо оторванного от жизни «осьмнадцатилетнего» мечтателя. Кто знает, каким Ленский был на самом деле? Читатели же знакомы с ним заочно, со слов Александра Сергеевича, еще того насмешника. Но Жене все-таки кажется, что расхождения у папы не с персонажем знаменитого ро-

мана, а с автором. Самому герою тоже может не понравиться задуманный папой вариант. Она содрогнулась: ох, сколько же искаженных артистами ленских и онегинных жалуются на том свете солнцу нашей поэзии! А сколько гамлетов и отелло дергают бедного Шекспира как ромашку? «Быть не быть, любить не любить, к сердцу прижать, на фиг послать...» Театр – вечный спиритический сеанс, фабрика призраков. Становились бы эти фантомы материальными, давно б уже случился демографический взрыв... Пожалуй, не стоит поступать в театральный институт.

Глядя в зеркало, Женя скопировала мученическую гримасу папы, передразнила шепотом его атаки на маму: взмах рукой, пренебрежительный тон в слове «педсоветов». Недавно где-то слышала подобное. Тонко чувствовать нюансы эмоций в звуке – дедовское наследство... Вспомнила: химера (учительница химии) вчера после контрольной сказала, что большинство будущих выпускников – кандидаты в ассенизаторы. «Педсоветы» и «ассенизаторы» произносятся в одной тональности, творчество папы – в высокой октаве. Женя оскорбилась за мамин педагогический кворум и, подхлестнутая обидой, высунулась в гостиную.

– Ну? – спросил папа. С таким выражением лица Юлий Цезарь в известную минуту воскликнул: «И ты, Брут!»

Женя не вняла скорбному лицу полководца и дерзко заявила, что, если бы какой-нибудь графоман вроде Ленского целыми днями пел ей, как он влюблен в нее и счастлив-счаст-

лив, она бы сама с удовольствием его пристрелила. Папа от моментальной ярости едва не задохнулся, но тотчас прокашлялся и закричал о диких детях, свинском отношении общества к культуре и власти денег. Последнее в том смысле, что все на свете теперь можно купить за просто: землю, бриллианты, образование в виде диплома, науку в виде диссертации. Все, кроме одного.

– Кроме таланта! Да! Ни за какие коврижки! Талант – от Бога, а Его ничем не подкупишь! Талантливый человек всегда стоит над толпой, он сам – творец! – кричал папа страстно, но не очень громко, жалея связки. – Быть творцом – возвышенное страдание, остальным этого не понять!

В мамин скромный учительский огород и, потенциально, Женин смачно шлепнулись булыжники безнадежной посредственности. У мамы дар преданности и самопожертвования, но люди почему-то не считают его талантом, хотя без оперного пения можно прожить, а без любви нельзя.

Дед Паша считался первым парнем на деревне – был запевалой в народном хоре, играл на баяне, частушки сочинял на ходу. Папа стал «первым парнем» в театре. На Жене природа, видимо, решила отдохнуть. Не совсем, но явно облебилась. Творческие позывы Женя ощущает только у зеркала. В нем она умеет отражаться многими политиками, обоими родителями и отчасти – Ренатой Литвиновой.

Куда же податься после школы? Мама хочет, чтобы Женя поступила в медицинский.

«Всю жизнь вожжаться со всякими органами и вместо человека видеть букет болезней? Благодарю покорно», – разговаривает Женя с мамой по пути в школу. Мамы рядом нет. Она работает в другой школе, и ушла раньше, но дочь очень надеется решиться на эту беседу в недалеком будущем. «Не выйдет актрисы? – отвечает она сомневающейся маме. – Тогда попробую себя в эстраде. Ну и что, что нет папиных вокальных данных. Зато хороший слух, музшкола и голос, сама говорила, довольно милый».

Женя вздыхает: тут на мамины гипотетические возражения ей ответить нечем. Для попсовой сцены больше важны не слух и голос, а отец-олигарх. Или наглость, возведенная в степень искусства.

– Привет, – хмуро бурчит Женя однокласснику Дмитриевскому и пропускает его вперед по школьной тропе. Дмитриевский живет в одном из соседних домов. Кто самый наглый в классе, так это он. Смотрит прищурившись и ухмыляется, словно добыл на Женю какой-то компромат.

Она увлеченно перебирает свои проступки, начиная с первого класса, и не без разочарования признается себе, что в ее коротеньком досье нет ничего, за что можно было бы зацепиться и обнародовать с позором. Вряд ли Дмитриевский умеет читать мысли, а снаружи Женя – пай-девочка. Он, кстати, и сам весь «белый и пушистый». Не матерится, не пьет пива, не курит. Занимается спортом. Наглость его выражается в многозначительных взглядах и обидной ухмылке.

Дмитриевский слывет продвинутым, потому что читает все положенное и неположенное школьной программой. Причем не в комиксах и даже не в кратком изложении. Изображает из себя интеллектуального перца (боится показаться ботаном). Пишет стихи и заметки в школьную газету, рисует красиво... Ирина Захаровна убеждена, что он самый талантливый и начитанный в классе.

Женя тоже любит книги, но никому это не интересно. А она и не собирается проталкиваться локтями в лидеры книгоедов. Очень надо. Ей не нравится новая школа, и класс не нравится. Ирина Захаровна – единственный человек, из-за которого Женя согласна вытерпеть остаток учебного года. И не она одна. Если бы не Ирэн, Миша Шишкин протирал бы штаны в ПТУ. Классная упорно тянет отстающего по литературе Мишу к аттестату зрелости, будто заключила с кем-то пари, что выведет парня в люди.

В начале сентября Ирэн возила класс на экскурсию по реке на теплоходе. Было солнечно, вода и небо синие, берега живописные – желто-багряные, местами с летней прозеленью. От радуги красок и ветра в лицо ребята расслабились. Пользуясь случаем, Ирэн оптимистично принялась ломиться к ним в души с детской игрой в рифмы. Вспомнила, видимо, «Незнайку»:

– Скалка!

– Палка, – лениво откликнулась Женя по той же ассоциации.

– Русалка, – сказал айтишник Леха Гладков.

Ребята перемигнулись: Ирина Захаровна и есть «русалка». Учительница русского языка и литературы.

– Птичку жалко, – всхлипнул Дмитриевский, как Шурик в старом фильме.

Миша Шишкин стоял рядом мрачнее тучи.

– Чалка, – продолжил он, тяжело вздыхая.

– Нет такого слова.

Шишкин уныло возразил:

– Имя это. Кобылино имя.

Раздались первые смешки.

– Одну лошадь на ипподроме так звали, по чесноку, – Шишкин даже руку к сердцу приложил.

– Не пойдет, – упорствовала въедливая Ирэн.

– Калка тогда, – раздражаясь, сказал он. – Калка – пойдет?

– Что такое калка?

– Какушка, – пояснил Миша с отвращением. – Которая для врачей. На медицинском – анализ, по простонародному – калка.

Ирэн чуть не заплакала с горя. Ребята, обвисая на перилах и рискуя свалиться за борт, ржали как лошади Пржевальского.

Шишкин смешной, медлительный и большой, как медведица в картине художника-однофамильца. Только он не медведица, а медведь. Два метра без десяти сантиметров, центнер с лишним веса, и размер обуви зашкаливает за сорок

седьмой. Где-нибудь на юге Шишкин мог бы отжимать своими ножищами виноград, цены бы ему не было, здесь же эти ласты не приносят никакой пользы и зимой мерзнут вдвое больше, чем у людей человеческого роста. Сигареты Мише продают с восьмого класса, не спрашивая паспорта.

Шишкины родители не подумали о ФИО-сочетании сына, и Женя тайно ему сочувствует. Быть Евгенией Евгеньевной (масло масляное) тоже радости мало, но все же лучше, чем три шипящих и дразнилка Мишка-Шишка.

Дмитриевский на втором месте по росту и величине ног. На уроках Женя спиной чувствует, как он смотрит на нее с дурацкой ухмылкой. Женя невольно выпрямляется, слыша в голове мамины всегдашние наставления о правильной осанке и сколиозе. Изредка, когда Дмитриевский с Шишкиным начинают о чем-нибудь спорить и размахивать руками, до Жени долетают запахи тушенки и кефира. Тушенкой несет от Шишкина. Неудивительно – мяса на нем много. К кефиру Жене хочется принюхаться сильнее, и это ее злит. Странно, что у мерзкого Дмитриевского приятный запах. Женино обоняние равнодушно к кисломолочным продуктам.

Компьютерщика Гладкова отсадили на камчатку, чтобы никого не отвлекал своими гаджетами. Леха – модератор школьного сайта, уважаемый всеми, не исключая завуча по воспитательной работе. С молодым учителем информатики на «ты», Женя собственными ушами слышала. Думать о Гладкове без компьютерных терминов невозможно. Юзеры

тихо обижаются на его баны, а походя съездить кому-нибудь по шее за троллинг он может и в реале на перемене, благодаря чему контент на веб-странице редкостно благопристойен.

Гладкову бояться нечего – Шишкин и Дмитриевский всегда рядом. Эта троица дружит с детского сада и живет недалеко от Жени, в одном дворе. Ирэн зовет их «три богатыря». Васнецов бы услышал и выпал в осадок. Первые двое еще кое-как сойдут за былинных героев, если не будут бриться ближайшие пятнадцать лет, а сходство Гладкова с Алешей Поповичем только в имени. Леха мелковатый, тощий и любит ходить в черном, хотя не гот. Волосы он не мыл предположительно с прошлого года. От него разит гремучей смесью хоряка, дешевого дезодоранта и сигарет «Петр I» (вот кому покупает сигареты некурящий Шишкин). Мальчишки в классе, и параллельных тоже, вообще, мягко говоря, неблагоуханные. Из-за этого физрук называет их раздевалку «амба и уксус».

...А настоящий мужчина Родриго-Игорь ничем не пахнет. Не курит. Не ковыряется в носу, не скатывает сопли пальцами и не намазывает их под сиденьем, думая, что никто не видит. Не зевает с челюстным хрустом и подвыванием, с выражением лица, присущим крестину, не вертит карандаш в ухе, не рыгает после столовки, открыв рот буквой «о». Совсем не издает неприличных звуков. Изысканный костюм льется с прямых плеч Родриго-Игоря, как струи дождя. Волосы цвета эбенового дерева откинута, на высоком лбу ни одного пры-

щика. С угрями Родриго-Игорь незнаком по определению... До Жени вдруг доходит, что ее настоящий мужчина – манекен. Она видела его в витрине супермаркета «Кипежград». Там и одежда продается, которую манекен рекламирует.

Почему изобретатели не придумали ароматизировать манекены? Мужчинам было бы интереснее и легче искать души в подарок своим дамам к 8 Марта. Женино воображение живо набросало выставку полиуретановых красавиц, от которых исходят легкие нотки парфюма... Фу. Значит, раз в год Родриго-Игорь станет нюхать женщин. Это Жене не нравится, пусть женщины и ненастоящие. Да, чуть не забыла: он и сам должен пахнуть по-человечески. Ряженкой, например.

Судя по сегодняшним размышлениям и прожитой жизни, Евгения Шелковникова – нестандартный человек. Как соседский бульдог, питающий страсть к цветам. Сразу не разберешься, хорошо это или плохо. Выяснится, наверное, только в старости. Или никогда.

Где-то в ожидании истинной любви бродят правильные мужчины, но настоящей взрослости, очевидно, не существует. Похоже, старшие выдумали ее для того, чтобы придать больше значения физическому росту и половой зрелости.

Интересно, есть ли на свете вуз для нестандартных людей, где обладателей патологически чутких носов учат редким профессиям дегустаторов пищи и парфюмерии? А может, изощренные Женины рецепторы – издержка возраста?

А эротические флюиды иссякают когда-нибудь?

От добра добра не ищут

Утро купалось в сиреневых тенях, сугробы казались ватными одеялами, выстеганными стежками тропинок. Восход сквозь туман золотил восточные выступы крыш. В окне третьего этажа дома напротив зашевелилась зеленая портьера, и показалась женщина с пышными волосами чуть выше плеч. Из-за яркого электрического света она была только тенью, но Санька знал, что женщина молода, и верхние пряди ее волос соломенного цвета. Она часто сидела у окна с биноклем в руках, а стопроцентное Санькино зрение и без бинокля позволило ему хорошо ее рассмотреть. Он находил женщину симпатичной, но ни разу не видел улыбающейся и никогда не встречал ее ни во дворе, ни в булочной. Теперь, возвращаясь домой в обед из спортзала, Санька оглянулся: женщина оказалась на месте. Он обрадовался – без нее известный во всех подробностях двор был бы неполон. Вот только кивнуть ей, как старой знакомой, он постеснялся.

На лестничной площадке слышались приглушенные вопли мамика. Санька открыл дверь ключом и постоял на пороге в некотором опупении. Не то чтобы домашние события сильно огорчили его или раздосадовали, – ничего необычного он в них не обнаружил. Просто Санька мамика еле узнал. Он лишь вчера начал привыкать к ее недавнему превращению из жгучей брюнетки в лимонную блондинку, и вдруг –

вау! – новая трансформация. Мамик с пудреницей в руках сидела в прихожей на корточках над черепками керамической супницы и рыдала так горько, словно потеряла горячо любимого человека. Рыдала и трясла кофейно блестящей головой.

– Быть шатенкой тебе идет, – оценил Санька.

Мамик обрубил плач на высокой ноте и повернула к сыну залитое слезами лицо:

– Сашхен... иди, кушай... Там котлеты в холодильнике остались...

Санька терпеть не мог, когда она его так называла.

– Я – Санька, мамик, – напомнил он, стараясь вложить в голос как можно больше беспечности. – А Сашхен – жена завхоза Альхена из «Двенадцати стульев». Забыла?

Она, видимо, вспомнила фильм и пожаловалась голосом Элочки-людоедки:

– Дмитриевский опять красивую вещь разбил. Ковер с краю супом испачкал... Варвар.

– У папы, как ни странно, тоже есть имя. Леонид. Можно Леня.

– Ладно-ладно, горе ты мое от ума, – мамик проворно поднялась и, всхлипывая, принялась пудрить нос. – Сам пообедаешь, мы уже покушали. Станешь котлеты греть, крышкой сковородку закрой, а то печку жиром уделаешь.

Пока Санька раздевался и слушал привычные наставления, мамик успела восстановить попорченный скорбью ма-

кияж. Наложила на губы помаду краснознаменного цвета, и Санька залюбовался. Четкая у него все-таки мамик, как из блокбастера. Жаль, что при ее киношной красоте недостатки характера сильнее выпячиваются.

Отец с испуганным выражением лица мыл в кухне посуду. Над краном виновато топорщилась кудрявая борода, облагороженная по краям сединой. Санькина бы воля, он переместил бы бородку отцу на голову. Поперек его лысого темени зачесаны две прядки с боков и, если он идет против ветра без головного убора, волосы воробыными крылышками порхают за ушами. Мамик грозитя состричь эти остатки былой роскоши. Отец защищает свои руины с отчаянием разоренного помещика. Жалкие крылышки – последний рубеж его сопротивления.

Мамику тридцать шесть, а выглядит на десять лет моложе отца. Увидев Санькиных родителей впервые, незнакомые люди полагают, что они – отец и дочь. Малоизвестные удивляются: у такой молодой женщины такой старый муж. Только друзья знают, кто отцу плешь проел. Чета Дмитриевский-Молоткова – это тот случай, когда форма довлеет над содержанием.

– Дмитриевский! Осколки приברי, ковер почисть! – приказала мамик перед уходом.

– Давай я, – остановил Санька отца, послушно примчавшегося с щеткой и совком, – на работу опоздаешь.

– Спасибо, – отец заторопился, оправдываясь на ходу. –

Надумала в гостиной обедать... Я возьми да грохнись с супницей, и хорошо, что с ковра на паркет...

– Кому она была нужна, эта идиотская супница? – поморщился Санька. – Тебе? Вот и мне не нужна. Да и маму по большому счету. Главное, что ты не ушибся. Иди, пап, все хоккей.

– Не в том дело, – пробормотал отец. – Вещь, конечно, аляповатая, но ведь кто-то над ней работал. Кто-то распиливал. Оставь черепок со дна, там внизу должна быть монограмма художника или подпись, интересно глянуть...

Дверь за отцом мягко захлопнулась, щелкнул английский замок.

Санька грел котлеты, пил кофе с молоком. Сдувал кружевную пенку к краю чашки и думал о родителях.

К отцу и маму он относится с одинаковой жалостью, но по-разному. Так же по-разному, как они к вещам. Рациональная красота материи волнует маму больше, чем дух. Предмет – вот он, перед глазами, его можно потрогать, пощупать, даже лизнуть. Где у него дух (душа), в какой стороне? Покажите. Наверное, отец пытался когда-то, но мамин дух не видит, хотя сама делает роскошную, разноцветную красоту из неказистых волос. Мамин – лучший мастер в женском зале одной из лучших городских парикмахерских эконом-класса. Могла бы перейти в «экстра», но хранит верность заведению, в которое пришла сразу после школы. Женщины высоких социальных слоев записываются к маме в

очередь за неделю вперед. Отец же работает художником-реставратором и считается редким специалистом, о чем только редкие специалисты и знают. Он восстанавливает красоту прошлого, а в нынешнее время не вписывается. Зарплата у него в разы меньше получки мамика. До того, пока мамик не увлеклась модным течением винтаж, она утверждала, что время бежит вперед, производит новое и не терпит старья. Старье – это секонд-хенд, б/у и хлам. На помойку. Теперь так не говорит.

Оба они любят свою работу, где все у них отрегулировано, как на дороге с правилами движения, а дома часто сталкиваются лбами, иногда до аварии, ругани и слез. И продолжают жить дальше в хроническом состоянии бездорожья. «Привычка свыше нам дана». Люди ко всему привыкают. Живут же некоторые в местах, где полгода стоит полярная ночь.

Два совершенно полярных человека зацепились друг за друга девятнадцать лет назад, когда интеллект держался на высоте и содержание ценилось больше формы. Страна в то время считалась самой читающей в мире и тащилась от передачи «Очевидное – невероятное». Мамик проходила практику в мужском зале, а отец, который еще не был отцом, но уже давно работал в Художественном музее, пришел в парикмахерскую стричься. Волосы у него тогда были густые и росли быстро. Умная голова тридцатисемилетнего холостяка нечаянно попала в энергичные руки мамика раз, другой... Потом ее покорили рассказы о красивых музейных вещах и стихи.

А она покорила холостяка своей юной красотой. Он увидел в девушке созданный в свежих красках шедевр и не заметил, что картина нуждается в реконструкции. Девушка стригла прекрасные волосы реставратора и думала, что на самом деле плетет нить своей судьбы. Через год она разочаровалась в нитях судьбы и стихах, но стержнем семьи уже стал Санька.

Он всегда чувствовал себя не очень прочным узелком, за чем-то связавшим шелковую нить с холщовой. Был счастлив, если мамик за весь день не обзывала отца лохом, а тот осмеливался противостоять ее фельдфебельским замашкам. В последнее время Саньке стало до лампочки. Ну, почти. У него, в конце концов, своя жизнь, у родителей – своя. Терпели друг друга до сих пор в присутствии сына, потерпят и без него.

В списке Санькиных достоинств терпение стоит не на почетном месте. А ведь оно полезно. Благодаря терпению первобытные люди закалились и смогли эволюционировать. Смирились с всемирным оледенением, научились жечь огонь и охотиться на мамонтов. В тепле мамонтовых шкур и свете пещерных костров родился вкус к красоте вещей. Вкус сродни духу... Может, и у родителей не все потеряно. Мамик, во всяком случае, уже не ругается из-за отцовского «Парнаса».

Поэтический кабинет отец устроил себе из «тещиной комнаты» – кладовушки-пенала, в которой еще до рождения сына проявлял фото пленки. Повесил там книжные полки, при-

ткнул письменный стол и стал писать в него стихи.

Любой труд должен приносить дивиденды. Вначале мамик одобряла вечерние занятия отца в наивном ожидании гонораров. Она не знала, что поэтов-писателей нынче развелось как нерезанных собак. Мамик ждала-ждала и чуть не рухнула, когда на вопрос о вознаграждениях отец твердо ответил:

– Я, Лиза, стихи для себя пишу.

Поскольку жизненные понятия мамика крутятся в сфере таблицы умножения, все неведомое за пределами пифагоровых столбиков тревожит ее не больше космоса.

– Значит, ты тратишь время семье в убыток? Дмитриевский, ты эгоист конченный или спятил?!

За каких-то два дня мамик продемонстрировала обширные познания в арго. У слова «спятил» оказалось множество синонимов. Потом она, очевидно, решила, что муж действительно начинает впадать в маразм (он же намного ее старше), купила ему глицин, себе – успокаивающие капли и угомонилась. Правда, только по поводу гонораров, остальные причины для негодования остались в силе.

Читая «встольные» стихи отца, Санька удивляется. Отцовская скромность ему тоже малопонятна. В местном литературном журнале лирика куда слабее. Кто-кто, а Санька в поэзии разбирается. По крайней мере, так считают ребята в классе. Он редактор школьной газеты, отвечает за рисунки, статьи и юмористические стихи в ней.

Леху Гладкова, забежавшего как-то по делу, ошеломила полная исчерканных рукописей урна у двери «Парнаса»: «Аффтар жжет нипадеццки!» Леха любит повторять классические ошибки форумов. Санька по секрету признался, что отец не владеет компьютером. Неприспособленность Дмитриевского-старшего к технике-электронике известна, кроссовер «Ниссан-джук» в семье водит мамик, но чтобы так «много букаф» нафлудить ручным способом! Посредничество шариковой ручки между бумагой и Музой Леха счел атавизмом. Ему ничего не стоило подсофтить Санькин первый, древний, но вполне еще рабочий комп. Отец прекрасно печатает на пишущей машинке в музее, и освоил бы клавиатуру за полчаса. Санька уже предвкушал, как преподаст отцу вордовскую матчасть, как тот начнет шарить в Интернете и запостит свои нетленки на поэтический форум... Увы и ах. Компьютерный невежда категорически отказался от безвозмездных услуг по апгрейду «железа» и собственных мозгов. Отец, для которого каждое произведение искусства – чудо, не понимал, что чудеса потихоньку вымирают вместе с животными, занесенными в Красную книгу, и что в современных условиях он – реликт, вроде снежного человека. Исчезающая и неправдоподобная разновидность сапиенсов. В общем, отец повел себя неблагодарно и без интереса к эволюции. Прочтя на лице друга выражение, родственное глаголу «спятил», Санька оскорбился, и они поссорились. Неделю не разговаривали.

А однажды Санька увидел отца роющимся в мусорном баке. Отец по рассеянности выкинул нужные бумаги в помойку. Было утро, мусоросборочные машины еще не приехали, и потеря нашлась. Дома отец отмыл листы, прогладил... Орудовать утюгом ему не привыкать, лучше мамика справляется с глажкой, отточенные стрелки на брюках аж свистят на ветру. В детстве Саньке нравилось ходить с отцом на работу и смотреть, как осторожный утюжок в его руках закрепляет клеевой слой на живописи старых холстов. Санька любил застывшие движения картин в тихих залах и боготворил «музейного» отца. В музее он выглядит по-другому – значительнее, моложе, не горбится, сотрудники обращаются к нему с почтением: «Леонид Григорьевич, как вы думаете...», «Леонид Григорьевич, посмотрите, пожалуйста...» Никто не упрекает его маленькой зарплатой, она здесь у всех такая. Окружающее искусство отбрасывает на музейщиков тень достоинства и самоуважения. Они заняты одним делом и понимают друг друга с полуслова. Отец говорит, что мастерская вошла ему в плоть и кровь. Наверное, так и есть: отцовской одежды и кожи фонит краской, клеем, какими-то химическими эмульсиями, истонченной временем пылью с едва уловимым запахом пенициллина...

Санька бродил по фондам с благоговением. Трогал овещенное время, завернутое в специальную защитную бумагу. Отец прекрасно ориентировался в этом времени, поэтому раньше часто ездил в длительные командировки то на

Алтай, то в казахский город Караганду, то в город-курорт Сочи. Но вторглось время новое, рыночное, музеи обеднели, и исследовательские вояжи сотрудинок прекратились.

Отец рассказывал, что экспонаты, как люди, устают от выставок, по-своему переживают стрессы и нуждаются в сострадании. Посетители видят парадную сторону картин, а он заглядывает внутрь их нежных организмов, выявляет дефекты и ставит диагнозы. И он их лечит. «Мой папа – врач искусства!» – сообразил Санька. Он бы заорал от восторга, но в музее не орут. Только рассказывают или читают стихи. Поэзия в мастерской отца неотделима от работы.

– «...и твои зеленоватые глаза, как персидская больная бирюза», – чуть нараспев читал отец стихи Николая Гумилева.

– Почему больная?

– Бирюзовая зелень – цветовой синдром старения, сын. Небесным камнем зовут этот минерал на Востоке, но лазурный цвет ярок только в молодом его возрасте. Со временем оттенки бирюзы могут измениться. Под воздействием некоторых раздражителей она болеет и, если не подлечить ее, гибнет.

– Умирает?!

– Да, меркнет, теряет цвет. Становится темно-зеленой, коричневой... В переводе с персидского «бирюза» – «победитель», поэтому мертвые камни считались опасными. Их даже подбрасывали врагам, чтобы те потерпели поражение.

– Бронза тоже болеет? Я видел на скульптурах зеленые пятнышки, особенно где ямки.

– Это патина, естественный защитный слой. Если его соскоблить, металл начнет разрушаться. Для лучшей сохранности мы покрываем бронзу искусственной патиной.

С рассказами отца Санька постигал органику веществ. В глубинной своей сути они оказались живыми. Вещества дружили и дрались, одерживали победы и погибали!.. Дома Санька поделился с мамиком удивительным открытием жизни материального мира. Она зевнула, не дослушав, и недовольно заметила:

– Совсем тебе Дмитриевский мозги закомпостировал.

– Разве неинтересно, мамик? – расстроился Санька.

– Хватит в музей шастать, мешаешь там.

– Не мешаю, – возразил Санька. – Папины друзья говорят, что я, может быть, стану искусствоведом.

Мамик вдруг прищурилась, поджала губы щепотью и странно подобралась.

– Ты мне, Сашхен, лабуду не втирай. Меньше базару – больше навару. Отец твой мастер лапшу на уши вешать. Повезло Дмитриевскому: живет в свое удовольствие, а я за пятерых вкалываю, с утра до вечера на ногах. Даю ему возможность старьем любоваться... Но как ты думаешь, кого надо слушать? Его или меня? А?

Санька молчал. Не дождавшись ответа, мамик в досаде щелкнула сына по лбу:

– Запомни, Сашхен: меня! Меня! Я все сделаю, чтобы ты получил престижное образование и вырос не ушлепком. Не лузером! А если станешь слушать отца, тебя ждут пустой треп и бедность!

Музейное очарование сразу потускнело в Санькиных глазах. Обесцветилось... ослабло, «как персидская больная бирюза». Денежный аргумент в устах мамика звучал звонко и напористо. Так же напористо звенела полная монет копилка – фаянсовый слоник, подаренный мамиком на день рождения в придачу к компьютеру. Санька боялся бедности. Это же, значит, ни нового велика, ни парка с мороженым и аттракционами...

Отец видел во времени то, что было. Мамик – то, что будет. Санька торчал посередке и метался то к нему, то к ней. Он был еще маленьким, но понял, что его долг – притягивать их друг к другу, как магнит. Санька и притягивал, старался сбалансировать разные гирьки в весах. Держал семью в относительном равновесии.

Когда в школе проходили сложные слова, Саньку поразило слово «злоупотребление». Он, конечно, и раньше его слышал, но как-то не задумывался над смыслом. А тут догадался: мамик употребляет вещи во зло.

Тех, кто пьет много водки, называют пьяницами, кто много ест (жрет) – обжорами. У всякого чем-нибудь злоупотребляющего человека есть свое определение. А как называется порок мамика? Если бы какая-нибудь золотая рыбка сду-

ру согласилась исполнить ее мечты, семью тотчас погребла бы под собой каменная недвижимость со всеми удобствами. Плюс сауна, бассейн, сад, гараж с десятком навороченных тачек, куча бытовой техники, горы мебели, масса всяких предметов... Долго перечислять, да и зачем. Все равно не получится старая сказка на новый лад.

Аппетит приходит во время обжорства. Мамик объедалась вещами не покладая рук. Сверхдостаток был для нее важнее всего. Она изо всех сил внушала Саньке, что тяга к богатству заложена в человеческой природе, и все движется по кругу: богатство дает независимость, свобода – уверенность, стойкие позиции вызывают любопытство людей, интерес людей провоцирует популярность, слава ведет к еще большим материальным благам. Обидно, конечно, что после финального акта в гражданском состоянии в вечность нельзя взять караваны с нажитым добром. Но зато детям найдется что поест и где жить, у них будут лучшие условия, возвышающие их над другими... А ты говоришь – зачем я набираю вещи. Для тебя, Сашхен, для тебя! Относись к вещам бережно. Погоди, еще спасибо скажешь, когда я помру и они превратятся в винтаж. Ни у кого нет, у тебя – полно, и сам из тех людей, что из телевизора не вылазят. Ну и пусть кто-то из них вор, на лбу не написано. Зато богатый, известный и уважаемый. И ты будешь таким – известным и уважаемым. Деньги, слава, морда на экране. Счастье.

Точного определения страсти мамика Санька так и не на-

шел. Спустя несколько лет отец грустно пояснил:

– Это вещизм, сын. Моя вина, за столько лет не смог перевоспитать.

«Любовная лодка разбилась о быт», – подумал Санька. По литературе как раз проходили Маяковского.

В молодые годы отца «вещизмом» называлась подчиненность добру во втором его значении – имущество. Слово «вещизм» исчезло, потому что вещи победили человека, а он и не заметил. Пока бывшие советские люди вживались в рынок и знакомились с капитализмом, вакантное место «вещизма» в словаре пустовало. Затем в пробел просочился «шопинг», производное от забугорного слова shop (магазин). И мамик заразилась непреодолимой тягой к потребительству.

Шопоголизм – как наркотик. Человек покупает, покупает и не может остановиться. Неясно, спорт это, хобби или психическое заболевание, но в любом случае любовь к затариванию добром у мамика односторонняя. Время от времени на нее нападает блажь посетить магазины экстра-класса, где господин Шопинг заявляет ей в глаза, что между ним и парикмахершей (заведения, напомним, с маркой «эконом») не может быть ничего общего. «Ресурсов. NET». Мамик неизменно переживает микростресс от бессовестной честности Шопинга и собственной неплатежеспособности. У нее повышается давление. Высокий накал, чувство, что палец суешь в розетку... Но, несмотря на такое электрическое напряжение, мамик иногда умудряется найти контакт с надменным

господином.

«Франция», – оповещал ценник мелкими и, тем не менее, гордыми буквами в посудном отделе супермаркета. Ценник стоял на полке перед набором гибридов охотничьей кружки с фужером. Точнее, с бокалом. Сверху стекло, в середине расписная майолика, снизу толстая ножка из какого-то подчерненного металла. Стоимость набора была задрана поконски, но мамик застонала:

– Ах, какие бокальчики! Хочу, хочу!

«Хотеть не вредно, вредно не хотеть», – говорит обычно ее подруга, маникюрша Василиса Онисифоровна. Возможно, она права, но четверть бюджета семьи уходила на погашение кредита за машину. Тогда мамик пораскинула мозгами и договорилась со своей клиенткой, заведующей детским садом, что отец с Санькой распишут зайчиками-лисичками коридоры в саду. Они расписали. Мамик хвалила себя за предприимчивость (всегда приятно быть предприимчивым за чужой счет). Приготовила место в серванте. Купила. Поставила так, чтобы шесть бокало-кружек из самого города Парижу многократно отражались в зеркальных стенках.

– Зачем тебе этот кич? – спросил Санька.

– Не мне, а для гостей, – она любовалась и постанывала уже удовлетворенно. – Лялечки бокалы!

– Ты мучила нас для гостей?!

Мамик обиделась:

– Что, думаешь, я – единоличница? Эгоистка? Пусть и го-

сти красоте радуются!

Да... Гости. По праздникам шумной толпой, с подругами и родственниками, в дом вваливаются парикмахерши тетя Леночка, тетя Мариша и маникюрша Василиса Онисифоровна. Квартиры у них тесные и не у всех есть, а «хата» мамика вмещает всю дружную компанию. На еду складываются вместе.

Мамик гнет перед ними понты, чтобы обзавидовались. Но свой антураж она обставляет и для нужных людей, чтобы у них создалось достойное впечатление о качестве жизни Дмитриевских-Молотковой. Нужные – это блат. «Блат» – уходящее слово, его приятель дефицит уже давно сошел с заднего крыльца, но «нужники» – мамкины клиентки с мужьями, где-то что-то преподающими, кем-то управляющими и руководящими, – по-прежнему необходимы для удобства быта и устройства Санькиного будущего. Эти люди являются изредка вне праздничных дат, и тут уж мамик старается не ударить лицом в грязь. Стол плывет посреди гостиной, белый, нарядный, блестит икрой и перламутром семги, серебряные мачты бутылок выныривают из волн салатов... Не стол, а корабль. После ухода гостей он напоминает разграбленное пиратами судно.

Нужники лстиво зовут мамика «маэстро Елизавета». Еще бы, ведь от ее виртуозных рук зависит светский вид их голов. Отец двигается бочком позади модных причесок и торопливо разливает дорогое вино во французские бокалы.

Спешит сесть, чтобы спасти разговор, увиденный мамиком в дебри туризма и сленга. Мамик по разу была в трех странах и считает себя заправской путешественницей. Любит поговорить об египтах-турциях-таиландах, где дешевое золото, пирамиды, крокодилы фермы, потрясные вина. Вообще цимес, несмотря на кидалово по мелочам. А о чем еще говорить? Не о политике же, она и так всех задолбала по зомбо-ящику... Нужники смотрят на нее, открыв рты, как на ложную царевну-лягушку, которая повела рукой – и посыпались кости вместо цветов. Если мамик ляпает что-нибудь философское, вроде «время вносит свои конкрентивы», Санька ловит сочувственные взгляды, брошенные на отца ее бомондом, и, лопааясь от смеха, пялится на обои. Тренирует выдержку. Обои немецкие, цвета высветленной солнцем сосновой коры, жатые для придания натуральности. Саньке хочется хохотать заливисто, громко и гневно. Хорошо, что сидеть визави с нужниками он сподобился только в этом году, раньше мамик к «нужниковскому» столу не допускала.

Когда-то на простеньких обоях в полоску Санька устраивал в гостиной выставки из своих рисунков и коллажей. Один из отцовских друзей сказал мамике: «Елизавета Геннадьевна, ваш мальчик – второй Кандинский». Она как будто обрадовалась, потом спросила у отца, кто такой Кандинский. Отец принес альбом. «Странные картины, – удивилась мамик. – Как волосы у нас в урне». В смысле, в парикмахерской. Поступить в художественную школу Саньке не разре-

шила. Спит и видит сына банкиром, вернее, владельцем банка, поэтому за столом для нужных людей замаячил мелированный начес жены доцента экономического факультета.

Друзья отца перестали к нему приходить. Он стыдится глупостей мамика, и Саньке за нее обидно. Плевать ему на вещизм и «конкрентивы», она все равно лучше других. Такая вся мамик-мамик, красивая и молодая.

Мамиком Санька начал звать ее в пять лет. Она была самая юная и веселая среди мам на детской площадке, соглашалась поиграть в прятки и мяч. Играла с азартом, не только из одолжения. Позже бурно радовалась футбольным удачам Саньки и так же бурно сокрушалась из-за промахов. Со времени его детства мамик сильно изменилась, но, кажется, не повзрослела. По-прежнему, если за что-то выбранит или даст подзатыльник, сейчас же пожалеет, кинется обнимать, простит... На рукоприкладный ураган у нее уходит несколько секунд, на жалость – минута. Из-за этой минуты Санька, как первоклассник, готов терпеть подзатыльники и затрещины. Не больно, да и не всегда дотягивается мамик, приходится подпрыгивать – сын вырос.

До четвертого класса он стригся в женском зале. В ушах смешно щекотались мелкие волоски, вокруг грузно топталась с ножницами тетя Мариша. У Василисы Онисифоровны был отдельный стол в углу (теперь у нее свой кабинет и помощница). От маникюриши веяло уверенностью и наслаждением жизнью, от тети Леночки, наоборот, нерешительностью

и бытовой неустроенностью. Она тогда снимала коечное место у тети Мариши, была молода и неопытна. Маэстро мамик курировала ее работу. Отвлекалась от чьей-нибудь «своей» головы, подходила к ученице и показывала на седых головах, как надо. Тете Леночке в то время доверяли только пенсионерок. Она стригла их бесплатно, а красила и «химичила» со скидкой, потому что в ее практикантском труде был большой процент брака.

Говорливые старушки не жаловались на брак, он компенсировался возможностью вволю поточить лясы. Парикмахерши тоже были не прочь поболтать о том, о сем, чаще всего о целлюлите, модных диетах и рецептах оригинальных блюд. Работали, не закрывая ртов, и клиентки включались с радостью. Санька слушал, как тетя Леночка жалеет несчастных коровок.

– По телику передали, что каждый человек съедает за свою жизнь сорок голов крупного рогатого скота.

– Это не считая свиней, птицы, рыбы! – трепетала голова в мелких бигуди под ровно гудящим колпаком.

– И крабов, – дополняла мамик.

– Да, и крабов, – спохватывалась тетя Леночка.

– Люблю раков к пивасику, – басила Василиса Онисифоровна из своего угла. – Вот мы с моим, бывало, возьмем раков...

– С которым твоим, Петровым или первым? – перебивала тетя Мариша. – Или этим, нынешним?

– А я помню? – Василиса Онисифоровна досадливо махала тете Марише рукой клиентки с наведенным маникюром. Дула ей на пальцы.

– Надо прекратить есть животных, – с осторожным осуждением лепетала тетя Леночка.

– Надо, – вздыхала тетя Мариша, – вон какой колбасный цех у меня на боках.

Линолеум усеивали седые, черные, желтые, тронутые хной завитки. Тетя Леночка подметала их в противоположный Василисе Онисифоровне угол и поддевала цветные кучки совком. В урне рос веселый «кандинский» ворох...

Санька глянул на часы, – есть еще время до школы. Подошел к книжному шкафу в гостиной. Книги здесь призваны создавать интеллектуальную репутацию дома. Мамик подбирает переплеты в гармонии с мебелью под дуб и «сосновыми» обоями. Цвета корешков от беж до гиацинта и большой спектр коричневого, все с золотым тиснением. Благодаря работе с красками для волос мамик разбирается в оттенках профессионально.

Санька взял том Чехова и с ненавистью покосился на красующиеся в серванте лялечки-бокалы. Задушил бы дизайнера, в чьем воспаленном мозгу возникло это уродское творение...

Прикасаться к «гостевым» книгам не желательно, а уж читать их в кухне, с заварным пирожным в руке!.. Мамик пришла бы в ужас. Санька налил в чашку любимого чая

«Аlokozay» с бергамотом, выдавил в салфетку жирное нутро эклера. Всего должно быть в меру, тем более масляного крема.

Три старинных тома цвета марсала, очевидно, стоили приличных денег. Отец отреставрировал антикварный ломберный стол у какой-то нужницы и получил за работу книги из дореволюционного собрания Чехова. Собрание прилагалось к первому в России массовому журналу для семейного чтения «Нива» издательства Маркса. Не Карла Маркса, а однофамильца Адольфа Федоровича.

Санька открыл наугад страницу и прочел: «Женщина есть опьяняющий продукт, который до сих пор не догадались обложить акцизным сбором...»

Прикольную водно-этиловую классификацию женщин придумал Антон Павлович! Мамик, оказывается, вышла в тираж. С точки зрения пьяницы она относится к квасу, а по семейному положению (жена) – к зельтерской воде. Все девушки от семнадцати до двадцати – к шабли и шато дикем. Четверым одноклассникам еще не исполнилось семнадцати лет, они принадлежат к классу «ланинская фруктовая». В том числе новенькая – Женя Шелковникова. Ее семья переехала летом в свежестроенный дом под сопкой.

Впервые Санька увидел Шелковникову в конце августа на школьной тропе. Торопился в спортзал, а впереди шли две незнакомые девушки. Одинаково худенькие, среднего роста, у обеих загорелые ноги с узкими лодыжками. Топ-

топ... попки в тесноте юбок перекатывались как яблочки. Четкие девчонки. Санька их перегнал, оглянулся и понял, что ошибся. Одной было явно за тридцать. Мать и дочь.

После спортзала, шагая по ступеням на второй этаж, он узнал сначала спускающиеся впереди смуглые ножки. А поднял глаза и... Нет, она не была сногшибательной красавицей, но перед Санькой будто в одно мгновение пронеслись осень, зима, и прямо у ног вдребезги разбилась сосулька. По лестнице рассыпались брызги хрустального солнца. Больше ничего особенного в этой девчонке не было. Ничего, кроме бьющего в лицо света. Когда выяснилось, что новенькую приняли в Санькин класс, стало чудиться: где светло – там она. Почему так странно – всегда втрескиваешься в первый раз, хотя он, этот «раз», уже случался, и не однажды?..

Одноклассницы отнеслись к Шелковниковой нормально, не как к малахольной, хотя одевается просто и фэйс не красит. Может, в ее прежней школе так было заведено. Ведь что такое на самом деле мода? Это когда людям нечем выделиться. У всех же, по сути, одно и то же – головы, руки-ноги, туловища. Те, у кого нет особых талантов, придумывают для выпендрежа прибабасы на одежду или вместо нее. Какую-нибудь цепочку на щиколотку – вот и непохож на других. Через год с цепочкой на ноге ходит полстраны, и тренд уже не тренд, а равенство, братство и штамп.

Ирэн посадила Шелковникову с Юлькой Кислицыной перед Санькой и Мишкой. Тугая коса новенькой отливала яр-

ким блеском в рисунке плетения, точно ядра орехов в листе. Если волосы были подобраны высоко, сзади топорщились завитушки, сбежавшие из каштановой густоты. Шея лилась в раструб воротника, как молоко из кувшина, в середине еле-еле угадывались пуговички позвонков. Саньку мучили идиллические мысли, взбаламученные тестостероном. Хотелось подуть в пушистые завитушки, прижаться к этой шее губами и губами же пересчитать позвонки, вдыхая запах вишневых косточек. Так пахли волосы Шелковниковой. Санька и лицо ее хорошо изучил за учебную четверть. Наклоненное с невидимой ему стороны, оно было круглым и симметричным, без лишних углов и величин, кроме больших глаз цвета чая «Alokozay». Карий чай на дне фарфоровых чашечек с темно-коричневым ободком.

Санька давно заметил некоторую особенность в своем лице: его словно слепили из двух разных лиц. Со лба до ноздрей – одна физиономия, от носа до подбородка – вторая. Нос прямой, рот слегка смазанный, подбородок высунулся вперед твердой пяткой. Ни дать ни взять гибрид бокала с охотничьей кружкой. Саньку утешает, что, собранный вместе, этот набор не смотрится безобразно. Даже чем-то смахивает на фасад Бельмондо, – у того, кстати, вообще рубильник кривой.

Ежу понятно, почему двухъярусное лицо, – от первичности природы и генов. Верхняя половина отцовская, как бы аристократическая, нижняя – сермяжное наследие Молотко-

вых. От серпа и молотка. Поэтому и характер у Саньки противоречивый: верхи мозгуют одно, низы болтают другое.

Вопреки или благодаря привлекательному уродству, он нравится девчонкам. Год назад гулял с Надей Сорокиной. Белобрысая голенастая Надя, совсем недавно фанатевшая от Киркорова, принцесс и драконов, вдруг резко развилась в симпатичную блондинку типа «прелесть, какая глупенькая» по новейшей классификации женщин¹ от Жванецкого. Сорокина нравилась Саньке с первого класса, и поначалу гулять с ней, повзрослевшей, было интересно. Она много трещала не по теме, но Санька ее и не слушал. Закрывал пухлые, сердечком, губы своим нетерпеливым бельмондовским ртом. Целовались до одури, до хвостатых комет в глазах. Низы бастовали, желали большего, – те низы, что ниже пояса, а Санька думал о себе достоинством выше. Тренировал в организме воздержание и дальше поцелуев не заходил. Потом познакомился в парке со второкурсницами из мединститута. Одна запала на Саньку, ему стало лестно, все-таки почти взрослая, и Сорокина надоела. А второкурва во время танцев затащила его потемну за деревья и чуть в штаны не залезла холодными пальцами. Еле удрал от озабоченной.

Шелковникова не видит Саньку в упор. Привыкший быть у девчат в фаворе, он сначала недоумевал – может, Надя-ка чего-то насплетничала? Старался попасться новенькой на

¹ «Все женщины делятся на две категории – ужас, какие дуры, и прелесть, какие глупенькие». М. Жванецкий, «Мужской взгляд на женщину».

глаза. Результатов zero. Тогда он предпринял усилия по воспитанию воли в духе гордого равнодушия. Воля воспитывается сложно: на Санькин игнор Шелковникова тоже не обращает внимания. Странствует взглядом по ком угодно и, оглябая Саньку, чаще всего останавливается на Шишкине. Мишка, конечно, друг, для которого ничего не жалко, но...

Санька втиснул фолиант на место, вымыл посуду и сложил на полки, ломившиеся от невероятного обилия сервизов.

Озорной чеховский опус нечаянно запомнился. Чего только не болтается в памяти, хочешь забыть и не можешь, и наоборот – надо запомнить, а не получается. Создатель сконструировал человеческий мозг нерационально. Научиться бы с дзэн-буддистской невозмутимостью стирать ненужные файлы. Особенно мечты.

На березах в аллее покачивались редкие стойкие листья. Их легкие тени лежали на искристых сугробах, как отпечатки детских следов. А в просвете тропы, в середине не по-ноябрьски сияющего солнца, шла Шелковникова. Шла и не знала, что она «фруктовая». Скрип-скрип сапожками по утоптанному насту. Обменялись приветствиями. Санька собрался было о чем-нибудь заговорить, но Шелковникова плеснула в лицо холодком, посторонилась, и пришлось Саньке бежать с деловым видом, вроде спешит. В голове жалобно пискнул и пропал звук неначатого разговора.

Вот так же пищал, опадая, надувной Мишкин заяц, когда Леха скovyрнул затычку гвоздем – хотел посмотреть,

что будет. А что могло быть? Носы опухло горькой пудрой, игрушка превратилась в резиновую тряпочку. Заяц стал первым воспоминанием мальчишек о трехлетнем детстве и невольно зафиксировал черты наметившихся характеров. Жалея ушастика, Мишка так сильно плакал, что свалился на бордюр песочницы. Леха предложил продолжить исследование: внутри только воздух? Где же моторчик? А Санька догадался: «Заяц ненастоящий. Все игрушки такие!» Эта теория Леху страшно огорчила. Целый год еще упрямо верил, что заводные машинки, в которых тикают и жужжат живые моторчики, вырастут вместе с ним. На рев Мишки запоздало примчалась его мама. Он уже успокоился: «Санька сказал – зайчик ненастоящий. Ему не больно, да?» Мишкина мама потрепала Саньку по голове: «Умница!»

...Он бежал, не оглядываясь на Шелковникову. Гипнотически напрягал затылок и телепортировал ей: «Кругом мир прекрасный, хрустит под ногами, как новенький, а ты сердисься. На кого? На меня? За что? Ты хоть раз внимательно на меня смотрела? На мою улыбку? Ну ладно, может, я некрасивый, зато умница!» Остановился, вдохнул-выдохнул пронизанный солнцем морозный воздух. Он был чистый, без примесей, и зубы ломило от него, как от ледяной воды. Сердце тикало быстро-быстро, – в горячей сердечной глубине включился моторчик счастья.

Для полного счастья не хватало трех нематериальных вещей. Во-первых, чтобы мамик увидела в отце самоцвет, а

не потемневший камень. Во-вторых, чтобы отец заметил под шопоголическим слоем хорошую простую девчонку, которую он когда-то любил. В-третьих, чтобы Шелковникова, шагающая позади Саньки, шла рядом с ним. Рядом и всегда. Он сказал бы им, всем троим: «От добра добра не ищут».

В Лимпопо, в Лимпопо, в Лимпопо!

Перед уроками наглый Дмитриевский развел подозрительную дискуссию о типажах женщин якобы по Чехову. Если это не фейк, то большинство классиков – циники. Женя угодила в группу «ланинская фруктовая». Юлия Кислицына шепнула, что Чехов от лица какого-то алкаша охарактеризовал так девчонок, которые пока не... «ну, сама понимаешь». Женя читала у нее в фейсбуке топ с похожим списком определений: «Изменяет – предатель; не изменяет – зануда; вообще ни с кем – задрот...» Девчонки живо обсуждали эту тупость и пошлость.

Легонько дернув за косу, Дмитриевский предположил:
– Шелковникова еще даже ни с кем не целовалась.

В конце фразы слышался вопрос. Женя возмутилась, но ничего не сказала, только косу перекинула на грудь.

– Что ты к ней лезешь? – проворчал Шишкин.

– Не целовалась, – помедлив, нарочно громко удостоверился Дмитриевский. – Да и ты у нас, Мишка, последний российский девственник.

Мальчишки обидно заржали. Шишкин мог бы одной левой раскидать всех по углам, но не успел. Гладков предостерег:

– Класснуха идет!

Ирина Захаровна зашла на фоне трещащего звонка, и по

возбужденному Чеховым классу пронеслось: «Коньяк с лимоном...»

Знала бы Ирэн! А она и узнала. Подняв руку, Надя Сорокина спросила, правда ли, что Антон Павлович... и т. д.

– Подобными «классификациями» забавлялись и продолжают баловаться многие поэты-писатели, – усмехнулась Ирина Захаровна. – В институте и мы развлекались, сочиняя наш «ответ» Чехову.

Розовая от восторга Сорокина вылупила голубые глазищи в пол-лица:

– Ой, Ирина Захаровна, прочтите, пожалуйста!

– Почему бы вам самим не пофантазировать на досуге? А мы сегодня освежим наши воспоминания о «Войне и мире».

Женя услышала, как позади беспокойно завздыхал и завозился Шишкин. Кислицына хихикнула:

– Мишка в прошлом году содрал сочинение с инета и плохо проверил, а там девчонка написала: «Если бы я была Наташей Ростовою...»

За урок Шишкин, очевидно, сильно освежил и прочувствовал вину своего плагиата. На перемене он внезапно вышел к доске и, до ушей налившись румянцем, замахал большими руками:

– Народ! Ахтунг сюда!

Одноклассники переглянулись: не в привычке Шишкина было привлекать к себе внимание. А он напрягся, будто набрал полный рот гальки, как ученик древней ораторской

школы, и выпалил:

– У Ирэн в Новый год день рождения! (Подумаешь, открытие. Всем известно.) Давайте сделаем ей сюрприз – подготовим спектакль!

Класс отреагировал адекватно бредовому предложению.

– Сам пьесу напишешь, филолух?

– Граф Толстый!

– О! Я уже придумал название: «Если бы Шишкин стал Наташей Ростово́й»!

Короче, Остапов понесло.

– Я-то думал, что вы – люди... а вы... эх! – Мишка сокрушенно махнул рукой.

Волну новых реплик на тему «эх» пресекла Ирэн, вернувшаяся вместо ожидаемой математички:

– Больше сегодня уроков не будет. На нижнем этаже прорвало трубу.

11-й «б» радостно загудел, захлопал, как в ладоши, учебниками:

– А завтра, Ирина Захаровна? Завтра тоже не приходите?

– Надеюсь, аварию скоро ликвидируют. Читайте сообщения на школьном сайте.

Внизу в коридоре и гардеробе парило, как в бане. Физрук с мальчишками расстилали доски мостками поверх успевшей натечь воды, и уже носились с какими-то шлангами ремонтники. На улице Женино лицо окатило жгучим морозцем. Пристывая к ступеням, мелко морщилась зеленая

ковровая дорожка. Дворник обсыпал песком ледяной наст уводящей в аллею тропы. Крупный коричнево-серый песок взвизгивал под ногами, будто подошвы ступали по заброшенному бисером стеклу.

Некоторые звуки болезненно остры и током отдаются в локтях и чашечках коленей. Это особенно неприятно в стужу, когда хочется впасть в анабиоз и не слышать, не видеть ничего, даже сказочной красоты спящих деревьев. Холод с полным правом наказывал Женю за лень: зимнее пальто-пуховик лежало в нераспакованном с переезда чемодане. Говорила же мама: «Сегодня же достань, приведи в порядок», а дочь-бездельница опять не послушалась.

Женя шла в куртке с тонким синтепоновым подбоем и пыталась отвлечься от холода с помощью размышлений. Думала о добром Шишкине, разочаровавшемся в людях класса, и приставучем Дмитриевском. Думала, что в выходные начнется декабрь, а через месяц наступит неведомый год. В этом году из нее, Жени, попрут кошачьи флюиды, и она перейдет в фазу шабли и шато дикем. Должно быть, эти вина (а они точно вина? не лимонады?) чудно пахнут.

Дойдя до супермаркета, Женя окинула оценивающим взглядом Родриго-Игоря. Он был одет в элегантное черное пальто. Темно-синий кашемировый шарф с изящной небрежностью лежал на плечах и спускался за спину. Рука в лайковой перчатке приглашала к двери – welcome... Глаза асфальтового цвета с томным безразличием смотрели в ни-

куда сквозь мягко озаренное стекло витрины. Женя ответила на приглашение – зашла погреться.

Со спины ненастоящий мужчина выглядел не так роскошно. На кукольных волосах блестками отсвечивал иней. В магазине уже продавались елки и сосны, по неколючим веткам из полимера бегали бенгальские искры. Не хватало запаха хвои.

Женя покинула искусственный лес, не прощаясь с Родриго-Игорем. Ему было все равно, приглашать или прощаться.

Хищный холод снова накинудся на Женины руки в перчатках, ущипнул за щеки, закричал в каждой клеточке моментально продрогшего тела: «Ага-а, вот ты где!» Помочь теперь могло только самовнушение. Свежемороженые губы еле зашевелились: «Мне жарко, мне жарко, мне очень жарко! Уф-ф, какая знойная вокруг Африка! Я гуляла в бикини у Нила, в Лимпопо голышом я ходила!» Холод насторожился и, прочухав обман, пощекотал в носу. Женя чихнула с колокольным отзвуком в голове, не выдержала и заскочила в кафе.

Как же мало иногда человеку надо, чтобы почувствовать краткий миг счастья! Душа приняла с чаем блаженство тепла, руки согрелись о горячие бока чашки. Из нее поднимался сладкий пар, с краю уютно свисал хвостик чайного пакетика. Чьи-то глаза расплывчато и дружелюбно мерцали напротив. «Замерзла?» Голос низкий, с приятной, не простудной хрипотцой.

Рядом звенели о чем-то знакомые голоса. Женя оглянулась: за соседним столиком сидели пятеро одноклассников – троица «богатырей» и Кислицына с Сорокиной. Запивали чаем пирожные. Юля увидела Женю, обрадовалась и подвинулась, освобождая место:

– Жень, иди к нам, мы с Надей «ответ» Чехову сочиняем! Поможешь?

Женя засмеялась:

– У мужчин классификация короткая: от четырнадцати до двадцати – пиво, потом – водка.

Сорокина затрепетала ресницами «Макс-фактор»:

– Мы рассматриваем мужчин с точки зрения косметики.

«Мужчины от 16 до 20 – пудры и румяна: то бледнеют, то краснеют. От 20 до 25 – тушь для ресниц: обещают быть пушистыми, но липнут и щиплются», – прочла Женя на листке.

– Это я еще в школе придумала, – гордо сказала Кислицына.

– А дальше?

– Дальше опыта не хватило.

– Шелковникова, по-твоему, опытная? Она же целоваться не умеет, – Дмитриевский почему-то хулигански подмигнул Сорокиной, и на круглый лоб Нади набежали некрасивые морщинки. Только она открыла рот, как Шишкин воскликнул:

– Есть идея инсценировать к Новому году «Евгения Онегина»!

Надя осталась с открытым ртом.

– Теперь я понял, отчего мне всегда казалось, что «идея» – производное от слова «идиотство», – заумничал было Дмитриевский, но Юлия его перебила:

– Браво, Миша!

И Гладков одобрил:

– Зачет.

Глаза Дмитриевского посерьезнели, а губы недоверчиво скривились:

– Фанфик, что ли? Типа продолжение – «Онегин вернулся, Татьяна опять влюблена»?

– Зачем? – удивился Шишкин. – Все по роману плюс немного других пушкинских стихов. Вшестером отрепетлируем и выступим на вечере. Ты же с нами, Женя?

Она неопределенно пожала плечами. Ленский дома ей надоел.

– Почему обязательно Пушкин?

– По нему легко писать, – пояснил Шишкин. – Стихи даже к рэпу подгоняются.

– Кто будет этим заниматься? – Гладков задал вопрос для проформы. Из всей компании к драматургическому труду годился разве что Дмитриевский, и то с натяжкой.

– Я, – застенчиво улыбнулся Шишкин, сияя глазами. – Уже написал.

– Ху из ху в твоём произведении? – нарушил Дмитриевский паузу, полную общего изумления. – Надеюсь, я не ка-

кой-нибудь Пустьяков?

– Не кокетничай, Саня, – одернула Сорокина. – Ты Онегин, ты! Больше никому.

Девчонки засобирались. Женя с тоской посмотрела в окно: не прибавили ей настроения ни задумка Шишкина порадовать Ирину Захаровну, ни эти лебяжьи сугробы, обнявшие дворы зимнего города. Какие восторги, какая эстетика у самого неприятного из времен года! Холод за дверью ждал, когда Женя помчится короткими перебежками от угла до угла, как ежик в тумане, – домой, домой...

Юля сунула в сумку листок с началом косметической классификации мужчин.

– «Ответ» сегодня досочиняю. Сестра подскажет, опыта у нее куча.

– Отправь мне вечером на «мыло», – попросила Сорокина.

– И мне для прикола.

– Всем отправлю, – пообещала Кислицына. – Но это же так, шутка юмора. Вот Мишино предложение – суперский супер! Если спектакль получится, Ирэн мне за полугодие, может, четверку на пять исправит.

– Где будем репетировать? – спохватился Гладков.

Проводить репетиции в школе было негде и невозможно – сюрприз бы сразу накрылся. После недолгих споров решили собраться завтра, за два часа до уроков, в недостроенном здании за Новогодним парком.

Хорошо, что Женя живет в одном дворе с мальчишками. Она шла не одна, и холод остерегся тотчас взять ее в плен. Крался по пятам и подслушивал: говорили о нем. То есть о русских морозах, на которые жаловались немецкие ветераны Великой Отечественной. В мемуарах гитлеровцы завидовали советским солдатам, одетым в тулупы и валенки. Женя тоже не отказалась бы сейчас от неэстетичных, зато очень теплых тулупа и валенок.

Шишкин обнаружил специфические познания в области бронетехники: оказывается, в сильные морозы механизмы и двигатели с воздушным охлаждением остывали в наших танках, и машины останавливались. Ночами экипажам приходилось поддерживать костры в вырытых под танками ямах, иначе эти ходячие холодильники к утру бы не завелись.

Мальчишек хлебом не корми – дай поболтать о войне. Правда, о нынешней службе в армии они невысокого мнения. В классе чуть ли не каждый голову ломает, как бы от нее откосить. А Шишкин сообщил, что после школы пойдет отдавать солдатский долг Родине. Отслужит, и только тогда поступит в строительный. Не демонстративно сказал, просто так. На общем фоне прохладного отношения к дымам отечества Шишкин выглядит попаданцем из 40-х и, кажется, не догадывается о своей несовременности.

Гладков промолчал, Дмитриевский непонятно хмыкнул. Ну, он-то наверняка отмажется. Жаль, ему бы пошла военная форма...

На вопрос: «Что такое Родина?» у людей нет точного ответа, а языка перелетных птиц, у которых чувство родины развито лучше всего, люди не понимают. Но Родина – с большой буквы и маленькой – определенно необходима человеку, чтобы ощущать уверенность в себе. Если по-честному, побольше бы в государстве таких Шишкиных.

По железным горкам детской площадки катались румяные дети. Ребятам мороз нипочем. Женя попыталась вспомнить, зябла ли она в детстве. Не получилось. Может, ее тогда грела забота бабушки, и родители больше любили? Говорят, что любовь – греет...

Дом встретил безлюдной враждебностью распахнутых в пустоту комнат. Увидев в зеркале прихожей лицо с покрасневшим носом, Женя пропела: «Где же ты, моя Лимпопо?» Зеркальная поверхность затуманилась от дыхания, и лицо рассердилось. Возможно, на войне низкие температуры предпочтительны для победы над врагом, но не в мирное время и не в квартире! Ртутная стрелка домашнего термометра застыла у отметки 14, в плюсе затаилась сентябрьская осень... Кран в кухне безнадежно плакал. Патриотизм в Жене выстудился в два счета: ей срочно захотелось попросить климатического убежища в любой южной стране без сантехнических проблем.

Мама с папой на работе. Впрочем, они бы ничего не сделали. Мама занята папой и учениками, папа – собой и образом противоречащего Пушкину Ленского. Сидят вечером,

кутаются в пледы и терпят всепроникающий холод. Привычка терпеть выработалась у них со времен тотального дефицита. Инициативу придется взять в свои руки...

Женя нашла в телефонном справочнике номер коммунальной службы и решительно позвонила. Бесстрастный голос дежурной на другом конце провода отрекомендовался: «Справочная». Узнав, что кран в квартире такой-то по такому-то адресу требует починки, Справочная позвала: «Петров!» и передала трубку сантехнику.

– Вас, блин, много, а я один, – проворчал сантехник Петров. – Напарник уволился, никто за копейки работать не хочет. Диктуйте, откуда вызов, в течение месяца приду.

Женя подала заявку от имени папы и сказала спасибо. А что она еще могла сказать?

– Все? – осведомился с облегчением Петров.

– Почему в нашем доме так холодно?

– Дом заблинован.

– Что такое «заблинован»?

До сих пор Женя знала два значения слова «блин»: тонкую лепешку и внелитературный эвфемизм, ранее упомянутый сантехником. Теперь, тяжело вздохнув, он ознакомил Женю с неизвестным ей омонимом.

– Блин – это такая шайба для регулировки расхода топлива, чтоб при расчете получалась экономия. Мы заворачиваем шайбы в трубы по распоряжению нашего начальства.

– Значит, люди в заблинованных домах мерзнут по распо-

ряжению вашего начальства?!

— Вот такие кошки-мышки, — туманно сказал разговорчивый Петров и замолчал. Раздалось отдаленное бухтение дежурной. В обязанности «Справочной» вряд ли входило просвещение жильцов в разделах языкознания и экономии. Женя положила трубку.

На зарядку, пока заваривался чай, ушло пять минут. Десять — на чаепитие с малиновым вареньем для профилактики простуды. Кран капал. Женя поразмышляла о неожиданном перерождении Шишкина из флегматичного добряка в деятельного бодряка. Не влюблен ли он в Ирину Захаровну? Любовь не только греет, но и меняет человека... Еще через десять минут журчащий звук капель перестал угасать в подставленной губке и выбил из головы Мишу с его пушкинской идеей. Спустя полчаса капли и холод выдолбили в душе Жени впадину размером с синичье гнездо, покинутое птенцами. Родриго-Игорь не пожелал посетить невесту, зато вернулась непатриотичная мысль о Лимпопо. Ни синицы в руках, ни журавля в небе... Источившееся терпение натолкнуло Женю на отчаянный шаг.

Позвонив снова в «Справочную», она официальным «взрослым» голосом представилась журналистом Юрьевой (эта фамилия часто встречалась в городской газете «Наши известия»). Ей якобы поручили взять интервью у руководителя микрорайонного ЖКХ.

— По поводу аварии в школе? — встревожилась дежурная. —

Морозов-то тут при чем?

– О каких м-морозах... – запнулась было Женя, и до нее доперло: Морозов – фамилия начальника. Символическая, между прочим.

– Владимир Алексеевич не виноват, что в школе трубы худые!

– Нет-нет, я буду писать только о хорошем, – успокоила Женя. – Подскажите, пожалуйста, номер его рабочего телефона.

Дежурная повиновалась с машинальной беспрекословностью.

Вскоре после того как Женя высказала Владимиру Алексеевичу все, что думает о положении дел во вверенном ему хозяйстве, выяснилось, что он знает Юрьеву.

– ...заочно, по вашим статьям, – промурлыкал в Женино ухо вальяжный голос довольного жизнью человека. – У вас своеобразный стиль и нестандартная подача тем... Но вот о «блиновании» домов я впервые слышу. Кто внушил вам эту чушь?

– Собачий холод в квартире.

Морозов в конце концов пообещал тепло к вечеру. Взамен он жаждал попасть в положительные газетные герои:

– Так когда мы с вами побеседуем о позитивных сторонах моей работы?

– Я еще позвоню, – уклонилась Женя.

Несмотря на использование эмоционально окрашенно-

го сантехнического термина и свой резковатый тон, разговор показался ей солидным. Она надеялась, что в телефоне Владимира Алексеевича нет определителя номера. А если начальник начнет терроризировать журналистку... Может, Юрьеву позабавит случай с двойником.

К приходу родителей батареи все так же едва фурычили. Женя уговаривала себя не нервничать, верить и ждать, ибо сказано: смирение – добродетель великая. Поддерживать добродетель на высоте некоторое время помогали уроки, и Юлия Кислицына отправила в письме файл с веселой классификацией.

Сестра Юли действительно хорошо разбиралась в возрастных особенностях противоположного пола. Папа наглядно демонстрировал поведение мужчин от 40 до 50 – «лаки для ногтей: стойки только на крепкой основе, предохраняются от домашних дел, требуют ухода». Вполне здоровый, он валялся на диване и кутал горло пуховой шалью. Мама, деликатно покашливая в медицинскую маску, бегала на полусогнутых в кухню и обратно. Носилась с подносом, уставленным паровыми котлетками, протертым творогом... горячим чаем, поджаренными хлебцами... печеньем, малиновым вареньем... Приподнимаясь со стонами, папа с аппетитом ел, пил и возмущался профессиональной черствостью врачей. Мама глуховатыми короткими междометиями с французским прононсом разделяла папино негодование.

– К ЛОРу толпа, будто перед Мавзолеем! Куда только на-

ши налоги уходят?

– Да... уж, – как Папанов-Воробьянинов, невнятно откликнулась мама.

– ...я ему как человеку объясняю: «Вы понимаете – репетиция премьеры, без меня не начнут!» А этот талдычит: «В общую очередь!» В общую! Представляешь?!

Мама сочувственно кивала. Папа, по своему обыкновению, драматизировал личную ситуацию. Женя всякий раз удивлялась его способности извлекать массу художественных переживаний из ничтожного пациентского опыта. В отличие от мамы папа исключительно редко болел.

Жаль, что лежачих не бьют. Тем более пап.

Добродетель Жениного терпения вознаградилась после передачи «Спокойной ночи, малыши». Владимир Алексеевич сдержал слово: батареи медленно налились теплом. Язык чесался рассказать родителям об авторстве улучшения погоды в доме, но прикусился сам собой. Папа снял с шеи шаль, мама к нему приблизилась, а он шарахнулся от нее, замахал руками:

– Не подходи... не подходи к моему горлу!

Как будто в пику Шекспиру репетировал версию вздорной Дездемоны. Женя увидела дождь в маминых глазах, увидела папину пасмурную спину, и в душе ее забушевала гроза. Забил ливень с градом, загрохотал гром! Держать молча буйную стихию в себе не было никакой возможности. Женя нырнула в кровать, не раздеваясь, и выплеснула грозу в по-

душку.

Наверное, ураганы, смерчи, циклоны – все атмосферные бедствия – происходят от скопившихся в воздухе туч обид и огорчений. От оставленных любовей. Люди говорят о любви «ушла, умерла». Сваливают неприятности на чувство, чтобы не брать вину на себя. В действительности же любовь не может ни уйти, ни умереть. Это человек уходит вперед и не замечает, что оставил ее позади. Он меняется. Вчера ему нравился футбол, сегодня – балет, завтра он предпочтет сидеть на лавочке. Папа давно ушел от любви, мама превратила любовь в обязанность. Один стал как фонарик, в котором вот-вот откажут батарейки, вторая – лампочкой в сто ватт...

Вернуть папе с мамой тепло любви не в силах даже такой волшебник, как начальник ЖКХ (дед) – Морозов. Чудес не бывает. Чудеса остались там, где Женя их покинула, когда ушла вперед, – в детстве.

Время младое незнакомое

Шелковникова пришла последней. Вся в светлом: белые шапка и шарф, млечно-белое пальто. Наверное, Санька слишком долго смотрел, как ее фигурка, словно переводная картинка, проступает в глубине елового перелеска, потому что Леха сказал:

– Сдулся заяц.

И Санька отмер под понятливым Мишкиным взором. Мишка тоже хорошо помнил резинового зайца.

– Ку, – поздоровался Леха за всех. – Мы тут успели обсудить Юлино подражание Чехову.

– Извините, – пробормотала Шелковникова простуженным голосом, – я, кажется, немножко приболела.

– Болей в каникулы, а то спектаклю кранты, – грубовато бросила Надя. Ей, видимо, не понравилось, что Шелковникова выглядит Снегурочкой.

Сугробы обложили заброшенное здание плотно, как баррикады. В рамах разбитых окон резвились непуганные воробы. Хозяйственный Мишка обнаружил у гаражей лопату и расчистил подход к крыльцу. Мощным рывком отодрал створку примерзшей к порогу двери:

– Добро пожаловать!

От камня серых стен веяло стужей. Кое-где на подметенном кем-то полу белели снежные гребни.

– Говорят, это Дворец молодежи. В советские времена строили. Уже название дали – «Юность», но началась перестройка Горбачева, и «Юность» загнулась. Потом хотели ресторан здесь открыть – тоже не вышло.

Отец Мишки строитель, отсюда и познания.

– Если дом никому не принадлежит, почему бы не попросить взрослых его достроить? – воодушевилась Юлька. – Клуб «Юность», кстати, есть при колледже искусств, а в нашем районе для нас вообще ничего нет. Как мы назовем свой дворец?

– Давайте как Надю – «Надежда», – Лехины щеки яблочко заблестели. («Сам небось тоже сдулся», – ухмыльнулся Санька.)

– Может, еще «Вера и Любовь»? – фыркнула Юлька.

Раскинув руки и задумчиво глядя в сумрачный потолок, Надя прошлась по теоретическому фойе.

– Вот этот долгострой – наша надежда? Это наша вера... любовь?

– Пусть будет Дворец Нового года, – сказал Мишка. – Тем более рядом парк Новогодний.

– Лучше Дворец нового времени имени Пушкина.

– Здравствуй, время младое, знакомое!..

– Когда я был маленьким, брат в Новый год взял из подарков все шоколадки и построил мне шоколадный дворец. Я представлял, будто дворец огромный. Гуляешь по нему и выколупываешь из стен орехи, откусываешь от дверей и ко-

лонн, а на потолке, где не достать, шоколад самый вкусный...

– В таких шоколадно-пряничных домах живут ведьмы, – перебила Мишкин детский лепет неромантическая Юлька.

– Папа говорил, что Новый год в его детстве пах мандаринами, – вспомнила Надя.

– Жаль, что искусственные елки не пахнут хвоей, – вздохнула Шелковникова.

– А снег пахнет арбузом! – Санька кинул в нее снежком.

– Да здравствует наш Новый год, самый новогодний год в мире! – принялся дурачиться Леха и тоже швырнул снежок.

Сразу стало шумно, гулко, голоса в каменных просторах отдавались веселым эхом, и никто не услышал, как на крыльце закрипел снег. Дверь распахнулась. В проеме возникла толстая тетка с большой клетчатой сумкой и, выпучив глаза, закричала:

– Это кто тут орет? Это вы орете? Что вы тут делаете? Пиво пьете, наркотиками ширяетесь? Раз дверь незапертая, думаете, некому дом сторожить?

– Ведьма пришла, – хохотнул Леха.

«Ведьма» близоруко сощурилась – в помещении после дневного света всегда темновато.

– Кто? Что?! И девки тут! Счас ментов позову!

Санька выступил вперед:

– Тише, тише... Ничего плохого здесь не происходит.

– А зачем сюда пришли? Чем заниматься? – глаза тетки привыкли к приглушенному свету и подозрительно оглядели

отряхнувшихся от снега ребят. Явление из угла внушительного Мишки заметно укротило ее воинственность.

Выдержав паузу, Санька построил глубокомысленную мину:

– Мы проводим исследование по физике незавершенных строений. Видите ли, планомерная система индульгенций, приобщенных к вышеизложенным хроникалиям конструкции, поменяла наше представление о научных методах виолончельной импактности, – он развел руками и добродушно улыбнулся. – Вот мы и зашли, чтобы убедиться.

– Студе-енты, – неуверенно протянула сторожиха. – Что тогда орали-то?

– Снегом кидались, – честно сознался Санька.

– Больше чтоб мне не кидались и не орали, – она погрозила пальцем в дырявой перчатке. – А то пойду и пожалуюсь вашему... этому...

– Декану? – подсказал Санька.

– Ага. – Она по очереди окинула ребят полным сомнений взглядом, позвенела пустыми бутылками в сумке и удалилась.

– Что такое виолончельная импактность? – спросила Юлька.

Санька пожал плечами:

– А я откуда знаю?

– Ты бы еще сказал, что мы Пушкина репетировать собрались, – усмехнулся Леха.

Мишка хлопнул себя по лбу:

– Ба! Пушкин! – и вытащил из рюкзака с десятков мятых листов, отпечатанных двенадцатым кеглем.

– Жесть, – выразил восхищение Леха.

– Всю осень только и делал, что читал. Запоем, – Мишка словно оправдывался перед кем-то. – Наверстывал упущенное. Даже в библиотеку записался.

– Из-за «чалки-калки»?

– Не только, – вздохнул он. – Повзрослел, наверно.

Вопль изумления исторгла Мишкина версия раздвоения Онегина, которое будут изображать сразу два актера.

– Каждый человек состоит из двух половин, – объяснил соавтор классика свой оригинальный замысел, – и они, эти стороны, не всегда согласны между собой. – Ну, как Моцарт и Сальери. «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек. За мной повсюду как тень он гонится...»

– Реабилитируешь лишнего человека, – понял Леха. – Дескать, «не я такой, время такое».

Мишка читал вслух, и на глазах у одноклассников из него, как бабочка из кокона, вылезала совсем другая личность. Голос у этой личности оказался гибкий и выразительный. В незнакомце проступала авторская ирония, и переживания отражались на вдохновенном лице. Текст инсценировки он знал почти назубок и редко заглядывал в бумаги. Увалень и шалопай стремительно преображался в гения. Леха на всякий случай запечатлел исторический момент на камеру мо-

бильника. Санька вполне серьезно подумал, что они присутствуют при эпохальном событии. Может, оно войдет в летопись литературы, как «знакомство друзей с первым произведением знаменитого писателя М.С. Шишкина».

Мишка читал долго, и, когда отставил последний листок, все прыгали уже не только от восторга. Заявление о том, что режиссером Мишка назначает себя, возражений не вызвало. Санька потрепал друга по плечу:

– Шедеврально, мальчик! Ты прямо Шишкин-Пушкин.

– Сам ты мальчик, – парировал счастливый Мишка.

Класс гордился двумя краеведшами, чемпионом по плаванию и Санькой – репортером с художественным уклоном. Школьное небо еще не знало, что скоро на него взойдет новое светило – драматург & режиссер. Ребята торжественно поклялись хранить тайну до новогоднего вечера.

Обалдев от внезапной Мишкиной гениальности, девчонки зашептались. По тому, как кокетливо Надя выпятила губки, Санька понял, что она мгновенно втрескалась в свежее явление звезду. Это открытие несколько его не раздосадовало.

То, что никак не удавалось Ирине Захаровне с ее натужными играми «в рифму», легко и просто вышло у Александра Сергеевича. Пушкинская поэзия зацепила Мишку, разбудила и потрясла до глубин. Всходы брошенного классиком семени проклевывались в нем один за другим, причем не плевелами! Он уже музыку к спектаклю подобрал и запи-

сал на плеер.

Мишка любил разную музыку и с удовольствием слушал как рэп, так и классику. Но, несмотря на всеядность и вкусовую безалаберщину, работу он провел грандиозную. В диком хаосе фрагментов из пьес Баха и Вивальди, из джаза и рэпа не то чтобы слышалась, а странным образом ощущалась едва уловимая тема. В некоторых местах Санька угадывал вариации обоих Онегиных.

Поделили с Мишкой Евгениев. Лехе, слегка озадаченному поединком с двумя противниками, достался Ленский. Каждая из девчонок, понятное дело, претендовала на роль Татьяны. Деликатный Мишка, лепеча о какой-то фактуре, впросительно поглядывал на Шелковникову, но распределить женские роли сам не осмелился. Чтобы исключить обиды, кинули жребий в Лехину рукавицу. Бумажку с «Татьяной» повезло вынуть Наде, цыганистая Юлька вытянула белолицую «Ольгу». Осталась одна бумажка – «няня».

– Не переживай, – сказал Шелковниковой Леха. – В гриме станешь старушенция стопицот.

Заторопились в школу. Мишка был огорчен неудачной жеребьевкой и молчал. Рядом шла Шелковникова, что-то оживленно рассказывала ему и смеялась. Позади шагали Юлька и влюбленная в Мишку Надя. За ними плелся Леха (влюбленный в Надю). Санька замыкал процессию, попиная подвернувшиеся под ноги ледышки. Перед глазами у него почему-то мельтешил классный журнал, где фамилии

Шишкина и Шелковниковой стояли рядом. Санька уныло думал: что особенного он в ней нашел?

Когда она хмурилась, между ее бровями пролегали две короткие горизонтальные морщинки. Не красили Шелковникову эти морщинки. И глаза она открывает во всю ширь, если сердится, тоже не очень-то привлекательно. На обществоведении обернулась к Мишке, Санька поймал краешек улыбки, не ему предназначенной. Дыхание сразу сперло, и ладони вспотели. Незаметно пролетела алгебра. Назойливые мысли бились о бесчувственную спину Шелковниковой, как глупые бабочки о лампу. Санька забыл обо всем, даже о вчерашнем наводнении в школе. О нем, кстати, все забыли. Уборщица подтирала шваброй у гардероба лужицы, натекавшие от обуви.

После уроков Мишка собрал ребят на предварительную – получасовую, как он уверял, репетицию. Войдя во вкус, он делал попытки командовать. Ему не терпелось, пока не поздно, раскидать девчонок «по фактуре» ролей. Покладистый, конфузливый Мишка впервые в жизни готовился сказать твердое «так надо».

Надя справедливо заподозрила покушение на свою роль и не спускала с режиссера потемневших до сини глаз. Леха мрачно разбирал кипу листов – на большой перемене растиражировал текст. Одна корыстная Кислицына ликовала в надежде на исправление оценки и жизнерадостно лезла к Саньке с вопросом, нужен ли при дуэли доктор. Потом, увлекшись игрой, Санька забыл о безразличной к нему Шелков-

никовой. Мишка тоже играл с азартом, чем подтвердил суждение, что талантливый человек талантлив во всем. Зрительский восторг дуэт-канону Онегиных был обеспечен.

Лехе понадобилась помощь реквизита. Схватив лопату, поставленную Мишкой в угол, он оседлал ее и заверещал скрежет железа по полу:

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал.
По имени Владимир Ленский,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт!

– Ой, не могу! Ой, поэт прискакал! – Юлька пополам согнулась от хохота.

– Ты это Пушкину скажи, – обиделся Леха. – Тут русским языком написано: «прискакал». Тогда авто и шоссе не было, в деревню на лошадях прискакивали.

– погоди, не «прискакивай» пока, – остановил его терзаемый постановочным зудом Мишка и попросил Надю прочесть Татьянино письмо. Надя с готовностью воскликнула:

– Я к вам пишу – чего же боле?!

– Патетика твоя к чему? – прервал Мишка, не заметив, что попал в размер стиха. – Давай снова.

– Я к вам пишу, – повторила Надя тише, но уловила усилившуюся режиссерскую досаду и смолкла.

– Надь, не обижайся, ты пойми: Татьяна места себе не на-

ходит. У нее же первая любовь! Ты должна быть простодушной и в то же время страстной. Внутри страстной, не снаружи, Надь. Не надо скалиться и психованную изображать... Попробуй еще.

– Я... к вам... пишу, – пробормотала она упавшим голосом.

– Вот, смотри, – в уголках Мишкиных губ ямочками обозначилась робкая улыбка, глаза отрешенно уставились в окно. – Поверьте, – выдохнул он, – моего стыда вы б не узнали никогда, когда б надежду я имела...

Надя послушно вытянула губы навстречу окну. Мишка прервался:

– Слушай, Надежда, может, ты Ольгой будешь?

– К тебе, Надя, правда, больше Ольга подходит, – подержал Санька. – «Глаза как небо голубые», «локоны льняные»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.